

Затем П. Тюкалов вместе с А. Устаевым явились в органы МВД и сообщили о предложении, которое им сделал Подлесный.

Хоть и с некоторым опозданием, они выполнили свой долг. Каждый советский гражданин обязан содействовать органам государства в задержании и разоблачении преступников. М. И. Подлесного задержали. При обыске у него было изъято довольно много промышленного золота. В ходе предварительного следствия Подлесный рассказал еще об одной партии золота, которая у него была спрятана в укромном месте.

Дело Подлесного рассматривалось в Магаданском областном суде. Все улики были против него. Он и не пытался отрицать их. Да, имел золото. Да, пытался его продать.

— Откуда у вас появилось такое количество драгоценного металла? — спросил судья.

— Нашел. Заглянул как-то на свалку, что расположена за поселком Отрожный, толкнул ногой старый ящик, из него выпал сверток. Развернул его, а в нем — золото...

Геолого-техническая экспертиза показала, что изъятые у Подлесного золото добывалось в различных месторождениях. Суд установил, что Подлесный скупал золото у разных лиц. Он работал в промысловый сезон 1971 года звеньевым старательской артели «Тундра» приска «Отрожный». Хорошо зарабатывал. Но этого ему показалось мало. Начал скупать драгоценный металл, потом уволился с работы и поехал сбывать ценности. По пути остановился в Новосибирске. Там спрятал часть драгоценного металла и вылетел в Алма-Ату, где рассчитывал реализовать золото за «хорошие» деньги.

Магаданский областной суд признал М. И. Подлесного виновным в скупке и покушении на перепродажу промышленного золота и приговорил его к тринадцати годам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставила приговор без изменения.

Итак, преступник получил по заслугам. Ценности у него изъяли. Разговор о нем закончен. Но возникает вопрос: почему удается разным проходимцам скупать золото?

Дело Подлесного — тревожный сигнал: союзному производственному объединению «Северовостокзолото» необходимо принять строжайшие меры к сохранности добываемого золота. Чтобы ни одна крупинка не могла прилипнуть к грязным рукам стяжателей и прочих «любителей» благородного металла.

П. ЛУКАНОВ,
член Верховного суда, РСФСР

Поучительные рассказы из судебно-следственной практики

Юридический конкурс

В ДЕНЬ ЗАРПЛАТЫ

Кассирша провела пальцем по ведомости.

— Бригада Щаденко? Четыре человека? А почему остальные не пришли за зарплатой?

— Потому что на всю бригаду деньги получаю я. У меня — доверенность. Вы новенькая и, наверное, этого еще не знаете.

Кассирша, и в самом деле работавшая на своей должности всего третий день, проверила доверенность и сказала:

— Распишитесь в ведомости.

Получив несколько туго перетянутых денежных пачек, Щаденко, не пересчитывая, сунул их в карман и вышел на улицу, где его ожидали рабочие.

Бригада работала в совхозе на строительстве школы. Заработки были неплохие.

— Ну, что у нас там в этом месяце вышло? — нетерпеливо спросил Василий Курятин, каменщик по специальности.

— На всех хватит, — неопределенно сказал Щаденко.

Распределили деньги поровну, на каждого пришлось по... 2095 рублей с какой-то мелочью.

— За месяц? — поразился Никита Мирончук. — Это что же — по ведомости?

— По ведомости было меньше, — задумчиво сказал бригадир. — Ну да ведь я не считал. Взял все, что дали... Да и что мы в конце концов себя мучаем: ошиблась кассирша или не ошиблась. Коли выдала столько — значит положено. Остальное нас не касается. Разбейте, ребята, каждый свою долю...

Между тем в кассе совхоза обнаружилась недостача. Стали доискиваться до причины. Следы привели к бригаде строителей.

Кассирша на предварительном следствии показала:

— Выдала я ему три пачки денег в госбанковской упаковке купюрами по 25 рублей и две пачки купюрами по 5 рублей, остальные

разрозненными купюрами. Я полагала, что в двадцатипятирублевых лачках — 250 рублей, а на самом деле было 2500, а в пятирублевых вместо пятидесяти было 500 рублей.

— Щаденко пересчитывал деньги возле кассы?

— Нет.

Пришлось строителям возвращать излишне полученные деньги. Правда, часть они уже растратили. За рабочими образовалась задолженность совхозу в общей сложности 1672 рубля.

Разные мнения по поводу случившегося были у жителей совхозного поселка. Одни считали, что во всем виновата кассирша, допустившая оплошность при выдаче денег. Другие наоборот — вставали на ее защиту и осуждали строителей.

— Мошенники они, вот кто! И судить их надо за мошенничество!..

А какое ваше мнение на этот счет, читатели?

ОТВЕТ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

В юридическом казусе «За большие деньги...» сообщалось, что за продажу автомобиля по завышенной цене гражданина Чугунова К. П. привлекли к уголовной ответственности. Народный суд, рассмотрев дело по обвинению Чугунова в спекуляции автомобилем, признал его виновным по части второй статьи 154 Уголовного кодекса РСФСР, которая предусматривает ответственность за спекуляцию, то есть скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы в крупных размерах в виде лишения свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества.

Определяя Чугунову К. П. наказание, суд принял во внимание положительную характеристику по месту работы, единичный характер спекуляции и первую судимость подсудимого, а поэтому приговорил его к лишению свободы сроком на три года с конфискацией 7900 рублей.

Смелые люди

ПОМОЩЬ ПОДОСПЕЛА ВОВРЕМЯ

Недавно министр юстиции РСФСР В. М. Блинов от имени Президиума Верховного Совета СССР торжественно вручил старшему консультанту Министерства юстиции РСФСР Федору Николаевичу Туритову медаль «За спасение утопающих».

...Несчастье случилось в декабре прошлого года, когда Федор Николаевич находился в служебной командировке в Ленинграде. В один из воскресных дней он вместе со старым товарищем отправился осматривать город. На Адмиралтейской набережной Невы услышали крики: «Спасите! Спасите! Девочка тонет!»

Глянув вниз, Федор Николаевич увидел в реке девочку, сплывшую течением. Не раздумывая, он бросился в воду. Резкий, ледяной холод обжег тело, перехватил дыхание. Намокшее пальто тяжелым грузом тянуло вниз. Туритов с трудом подплыл к девочке, с трудом вытолкнул ее на гранитные ступени набережной.

Это уже не первый случай, когда Федор Николаевич приходит на помощь в трудную минуту. Однажды, еще во время службы на Крайнем Севере, он спас военнослужащего, попавшего в беду в Баренцевом море.

Прослуживший в рядах Вооруженных Сил СССР более четверти века, участник Великой Отечественной войны, Федор Николаевич Туритов награжден боевыми орденами и медалями Советского Союза. Сейчас к этим знакам мужества прибавилась еще одна медаль.

Л. ТКАЧЕНКО, М. ЗВЯГИН

РАЗДУМЬЯ
ПИСАТЕЛЯ

„я бы на вашем месте...”

ИРИНА СТРЕЛКОВА

В серьезном научно-исследовательском институте лучшие умы разбирали сложный вопрос о наследстве. За советом обратилась одна из сотрудниц института. Недавно она похоронила отца, и остались после покойного ценные вещи, большая библиотека и значительная сумма денег на сберегательной книжке.

Кому все это должно теперь достаться, если...

Разных «если» набиралось немало. Отец и взрослая дочь давно жили раздельно. У отца уже много лет была другая семья, у второй жены была дочь от первого брака (удочеренная покойным) и сын, еще школьник, родной сын покойного. Таким образом, наследство принадлежало трем детям (двое родных и одна удочеренная). Но вдова поспешила записать у нотариуса в качестве наследников только двух своих детей. Сберегательная книжка покойного хранилась у его старшего брата. И теперь уже не у кого спросить, почему понадобилось унести ее из дома и почему хозяин вклада не позаботился о том, чтобы хотя бы в сберкассе записать, кто наследник.

...Такая вот сложная и конфликтная ситуация с наследством бурно обсуждалась в научно-исследовательском институте. Каждый готов был дать совет: «Да я бы на твоём месте...» Далее следовало:

послал бы их к черту, пусть пользуются;

поговорил с этой публикой по душам, может быть, они не такие уж плохие люди;

не дал бы наживаться на своей порядочности и своем уважении к памяти отца

и тому подобное.

Научно-исследовательский институт был сугубо технический, с де-

лом о наследстве сталкивался впервые, в тонкостях юриспруденции и доктора наук (технических) и вахтерша тетя Паша разбирались не шибко грамотно, судили и рядили с этической точки зрения плюс кое-какие сведения о дележе наследства в романах Диккенса и Голсуорси и поток житейской информации.

Возможно, что именно горячее участие всего коллектива института стало одной из самых веских причин, превративших впоследствии это дело о наследстве в долгий кошмар для первой и второй семей покойного, для всех родных и близких людей (ведь почти у каждого из них на работе и по соседству сыскалось немало доброхотов, не очень сведущих в вопросах юриспруденции, но всегда готовых пылко высказаться: «Я бы на вашем месте...»).

Дело разбиралось в суде при крайне накаленной атмосфере.

«Оно кончилось судом». Произнося эти слова, недавние советчики печально качали головами. По их убеждению, судиться — дело нехорошее. Судятся склочники. А порядочные люди обходятся по-иному. Как-то там договариваются с участием родственников или общественных организаций.

Меж тем дело такого рода, уж коль возникли намеки на разногласия, только и надо было с самого начала доверить не пылким друзьям, а беспристрастным юристам. Не окончить судом, а начать, если не у судьи, то у нотариуса, адвоката. Передать специалисту своего дела все полномочия, и пусть все свершится по закону. Но вот ведь какое дело: если человек, заболев, привычно идет в поликлинику — за помощью, за консультацией, то гораздо реже этот же гражданин, столкнувшись с трудным житейским конфликтом, обращается в адвокатуру, в суд, в прокуратуру. Мнение бытует такое:

СТРЕЛКОВА ИРИНА ИВАНОВНА — член Союза писателей СССР. После окончания Казахского государственного университета около двадцати лет работала журналистом, выступала с очерками и статьями по вопросам нравственного воспитания подрастающего поколения. Автор книг «Огонь-девчонка», «Меч полководца», «Плот, пять бревнышек» и других.

«Что я, клязник — по судам таскаться», «В прокуратуру? Что я, доносчик, что ли...» И, столкнувшись, например, с хищениями продукции у себя на заводе, человек сигнализирует об этом в редакцию. Он в общем-то понимает, что газета перешлет его письмо в следственные органы, но то газета перешлет, она имеет такое право, а ему самому туда обращаться как-то неудобно.

Возможно, что этому «что я, клязник?» — помогли утвердиться действительные клязники и сутяги, вызывающие у всех у нас глубочайшее отвращение. Иной тип и с предприятием судится, высуживая не полагающиеся ему подъемные, и с соседом, чтобы оттягать полвершка земли под курятник, и с родными детьми, которых бросил без помощи двадцать лет назад, а теперь надеется получать алименты. Но вот на что стоит обратить внимание, приглядевшись хотя бы, как сутяга припирает судом брошенных когда-то детей, не получивших от него в малом возрасте ни копейки. Сутяга в общем-то не на суд надеется: суд ему по закону откажет. Сутяга рассчитывает на другое — на нежелание взрослых детей, уважаемых людей, у которых уже свои дети, доводить дело с бывшим папашей до судебного разбирательства, до необходимости перетряхивать подробности своего детства на глазах у чужих, в казенном, так сказать, доме. Не лучше ли откупиться от прохвоста? А сутяге только того и надо. Ему-то на руку юридическая неопытность других граждан, их плохое знакомство с законом, их робость в использовании своих законных прав.

В повседневной жизни мы живем по нашим социалистическим нормам нравственности и морали. И мы знаем, что эти принятые у нас нормы, весь порядок нашей жизни охраняется законом, всеми статьями кодексов. По мере возможности мы стараемся знать и уголовное и гражданское законодательство нашего государства. И чем лучше мы его будем знать, тем увереннее себя сможем чувствовать в отношениях с другими людьми, со всем обществом. Для этого существует у нас в стране пропаганда юридических знаний в печати, по радио и телевидению. Но кроме необходимости знать законы своей страны, есть у каждого и обязанность укреплять законность. И не только тем, что «не нарушать»: не совершать наказуемых поступков и не содействовать их совершению. Не только тем, что «в суде сроду не бывал, даже в свидетелях». Нет. Человек укрепляет законы своей страны, если умеет их применять к делу — и к общественному, и к личному.

Работницу незаконно уволили с работы. Она обратилась в суд, и ее восстановили. И женщина не только за себя в этом случае постояла, она дала урок законности незадачливому администратору.

Другой случай, посложнее. В небольшом рабочем поселке живут две семьи — до поры мало знакомых. Женщины в один и тот же день рожают в местной больнице, у обоих сыновья. Мальчики подрастают, и в поселке люди начинают говорить, что не иначе, как их перепутали в родильном доме. Уж очень один из ребят похож на отца другого мальчика, а этот другой — на отца первого мальчика. Поселок маленький, в семейное дело вовлекается вся общественность. Кто говорит: надо разменять мальчишек, и дело с концом. В школе, на беду, возникло и такое мнение: одни родители — работающие люди, другие — не на лучшем счету, так что самое разумное отдать обоих мальчиков в ту семью, которая их правильно воспитает.

Для обеих семей и для мальчиков создается невыносимое положение. Мальчиков «разменивали», помещали обоих в одну семью — в лучшую, по мнению родственников, друзей и соседей. Наконец, догадались **довести дело до суда**. А суд предложил до совершеннолетия оставить детей там, где каждый из них провел первые двенадцать лет жизни, с теми, кого привык называть отцом и матерью. Вырастут — сами что-то обдумают, сами за себя решат. Ведь нет веских доказательств, что их спутали при рождении. И экспертиза дала только предположительное заключение. Такое решение суда показалось многим бюрократическим, бездушным. Убеждали ту семью, которая в поселке была более уважаемой, протестовать, добиваться пересмотра. Однако та семья и в самом деле оказалась достойной — приняла трудное, но объективное решение суда, перед которым обе матери оказались равны, да и детьми суд не захотел распорядиться как вещами какими-то, случайно залетевшими за чужой забор, а показал мальчикам всю значительность их будущих судеб: помните об этом, ищите взаимного понимания.

В законности решения спорного дела всегда есть что-то как бы успокаивающее разные стороны: такой уж порядок существует для всех людей, а не только для нас с вами. Известно, что законы разрабатываются по мерке всего общества, иному гражданину они могут быть то тут, то там неудобны, и всех чрезвычайных случаев они не в силах предусмотреть... Тем не менее иметь дело с законом применительно ко всем житейским конфликтным случаям нам все же удобнее, чем с живостью и гибкостью эмоционального гражданина, всегда готового воскликнуть: «Да я бы на вашем месте!» Мало ли чего он может на месте другого! Вот он пришел в качестве зрителя на судебный процесс и возмущается: «Да я бы на месте судьи не на пять лет посадил этого жулика, а на все десять!» А жулик действительно личность мерзкая. Но суд и в самом

доле не даст ему больше пяти лет. И, право же, всем людям в общем-то спокойнее, когда судьи слушаются статьи закона, а не порывов разгневанного (в другом случае: разжалобившегося) зрителя из восьмого или одиннадцатого ряда.

Сломался водопроводный кран — зовут слесаря. Вышел из строя телевизор — идут не в ателье пошива легкого платья, а в телевизионное ателье. Вскрылось преступление... Куда идти?

Несколько лет назад в одном южном городе раскрыто было жульничество в лаборатории местной поликлиники. Там за соответствующую мзду можно было получить «чистый», как это называлось, то есть благополучный листок с анализом, вместо «грязного», то есть свидетельствующего о болезни, вернее о том, что человек является бациллоносителем. Кому нужны были «чистые» анализы? Тем, кто собирался поступить на работу в столовую, в продуктовый магазин. Матерям, которые спешили еще не выздоровевшего ребенка отдать в детский сад: «Глупости. Выдумают еще какие-то кишечные инфекции!»

Когда все это было вскрыто, коллектив поликлиники узнал, что врач Н., никому ничего не говоря, оказывается, обращался в прокуратуру города, откуда и прислали следователя, вскрывшего все махинации. Коллеги смертельно обиделись: «Зачем вам понадобилось бегать в прокуратуру? Неужели нельзя было обратиться в общественные организации?..» Странно, но факт: в коллективе поликлиники на врача Н. негодовали чуть ли не сильнее, чем на мошенниц из лаборатории. Его поведение рисовали в самых черных красках: игнорирование товарищей, тайные действия и т. д.

Однако, если уж в прокуратуре заинтересовались заявлением Н., значит, он пришел по адресу. В лаборатории действительно совершалось опасное преступление. За трешки и пятерки мошенники подвергали риску здоровье многих горожан, допуская бациллоносителей к работе с пищевыми продуктами, а заразных ребятишек к здоровым в детские сады. Заинтересовавшись лабораторией, прокуратура поручила проверить заявление Н. следователю. Предположим, что Н. обратился в местком и тот на общественных началах затеял разбирательство. Это не такой уж фантастический домысел. Разве мы не знаем случаев, когда самодеятельные рьяные расследователи и подглядывали в замочные скважины, и допрашивали, и даже обыскивали. Пропадут у кого-нибудь на работе варежки, и тут же находятся энтузиасты, готовые вывернуть все мужские карманы и все дамские сумочки.

Конечно, из-за варежек не вызывают следователя, но обыскивать все равно нельзя, никому не дано права!

А в той поликлинике не варезжки пропали, пропала надежность медицинской службы по охране здоровья. И подделывался не просто листок с анализом, а значащий документ: уже не административное тут требовалось вмешательство, ведь дело-то уголовно наказуемое. Если бы администрация поликлиники или местный комитет сами все это обнаружили, они тоже обратились бы в прокуратуру, чтобы виновных наказали по закону. И коллегам Н. лучше было бы поинтересоваться, почему администрация, обязанная контролировать все службы поликлиники, сама довольно долго не замечала махинаций, творимых в лаборатории?

Весьма возможно, что врач Н. в сложившейся ситуации не очень-то крепко надеялся на свое начальство, а жуликов надо было остановить поскорее. Вот Н. и пошел в прокуратуру. Между прочим, один из коллег ему сказал доверительно: «Я бы на вашем месте все-таки обратился бы в райздрав...» Ничего он больше не сказал, но в глазах сияло сочувствие: «Допустим, я понимаю, что вы, коллега, порядочный и принципиальный человек, но все прочие, увы, убеждены, что в нашем коллективе завелся кляузник и сутяга...». Не знаю: закаялся ли врач Н. впредь таким же путем добиваться торжества законности или остался при своем убеждении, что по каждому делу надо ходить именно туда, где этим делом занимаются по службе. Вполне возможно, что закаялся.

Автора этой статьи могут спросить: «Вы за что собственно ратуете?»

Я знаю, что умный следователь не отмахнется от сигнала о мелком мошенничестве, поджидая дела «покрупнее», потому что серьезная борьба за спокойную жизнь для всех граждан требует искренности и мелких и крупных преступлений, тем более что крупное-то и начинается с небольшого. Я знаю также, что для вдумчивого судьи нет «копеечных» дел, потому что за каждым делом живой человек: пяток кур у него пропал или новенькие «Жигули» — равное у обоих право искать защиту у своего государства.

Мы сейчас смотрим фильмы с детективными сюжетами, содержащие немало ценной информации, скажем, о работе следователей. Лекции слушаем на юридические темы у себя на работе, в жэках. И в школе ребятам стараются дать начатки юридической грамотности. Но эта большая работа никак бы не должна иметь своим побочным результатом рост правовой самодеятельности по принципу: «Я бы на вашем месте...» Уважение к действующим у нас в стране законам как к большому и сложному механизму, работающему ради нас, очевидно требует и общего понимания, что кроме нас, признающих законы своего государства и старающихся быть юридиче-

ски грамотными, есть специалисты, для которых знание законов — главное дело жизни. Тут они так же авторитетны, как мы в своих — в других профессиях. Да еще при этом они, как и мы в своих профессиях, не стремятся быть по-дилетантски всеохватными эрудитами. Каждый специализируется в чем-то одном: в уголовном праве, в трудовом, в заводских промышленных делах, в колхозных... И юридическая грамотность тех, кто по образованию и по работе не юрист, наверное, в том и состоит, что чем больше узнал в порядке самообразования, тем больше понимаешь необходимость при случае все-таки спросить совета у специалиста-законника: у адвоката, у нотариуса, у юрисконсульта, у судьи, следователя, прокурора... Каждое справедливое дело, представленное не на любительские перемены, а по законной линии, для разрешения в тех инстанциях, которые для этого предназначены, наводит порядок не только в узком кругу лиц, заинтересованных в деле, но и как бы утверждает общественное спокойствие, а значит, способствует укреплению нашей социалистической законности и сокращению судебных тяжб. Уверенность каждого гражданина, что в юридическую консультацию зайти так же естественно, как в районную поликлинику, не расплодит сутяжничества, а, напротив, приведет к тому, что сутяжники-то как раз и поумнятся.

Мы все по натуре люди с общественной жилкой. Близко принимаем к сердцу заботы своих товарищей по работе, друзей, соседей. Всегда готовы поддержать и советом и делом. Выходят на улицу дружинники, и молодежь и люди постарше: наша улица, наш город, мы здесь хозяева. Если кто-то в коллективе совершил проступок, его может обсудить товарищеский суд. Законы нашей страны осуществляются с нашим непосредственным участием. Тем более нам нужно уважительное отношение к законам. Скажем, приходит к кому-нибудь из нас добрый знакомый и просит совета в юридическом вопросе: «Вы, мол, человек, умный, образованный, честных правил и т. д... Скажите, как мне быть...» Конечно, каждому приятно, когда ему говорят: умный и все такое... Но не стоит спешить с горячим и участливым: «Я бы на вашем месте...» Если вы не юрист, то все-таки лучше не рисковать чужим спокойствием и сказать, что вы бы на месте вашего знакомого сходили бы к юристу — к адвокату, к судье, к другому специалисту этого профиля, но ни в коем случае не стали бы заниматься юридической самодеятельностью.

Жители небольшого городка Канибадама Ленинабадской области Таджинской ССР от удивления разводили руками. Дело в том, что заведующий сберегательной кассой Саттаров за короткий срок, непонятно на какие средства, построил дом, затем купил мотоцикл за тысячу рублей, а следом с необычной пышностью отпраздновал свадьбу.

Все выяснилось при ревизии сберкассы. Оказалось, что, принимая от граждан деньги, Саттаров вписывал им в сберкнижку вносимую сумму, а в лицевом счете вкладчика эту сумму не указывал. Не проводил он также по отчетам приходные ордера на внесенные вклады, а деньги клал в карман.

Таким путем им было похищено более десяти тысяч рублей. В процессе следствия причиненный ущерб полностью возмещен.

Ленинабадский областной суд приговорил жулика к длительному сроку лишения свободы.

Главный бухгалтер Среднечирчикского райпромкомбината Кененбаев, вступив в сговор с работниками Ташкентского специализированного мелкооптового магазина «Хознульттовары» Хидоятовым, Насритдиновым и Рашидходжаевым, занимался хищением средств. Используя слабый контроль за отпуском товаров по лимитным ценам, они присвоили 3707 рублей.

Ташкентский областной суд приговорил Кененбаева и Хидоятова к десяти, Рашидходжаева — к пяти и Насритдинова — к четырем годам лишения свободы.

Работники железнодорожной станции Поварово-3 Московской железной дороги Полянов, Морянов, дежурная Куланова повадились вскрывать прибывающие с грузами вагоны и похищать из них ткани, обувь, не пренебрегая при этом и консервами, сосисками, сардельками. Преступники постепенно стали вовлекать в свою деятельность и других работников.

Органы милиции и суд положили этому конец. Преступники приговорены к различным срокам лишения свободы.

ХОЗЯИН ТОТ, КТО ТРУДИТСЯ

...**В** далеком тасжном поселке, откуда не так-то просто добраться даже до районного центра, где, кажется, все о всех знают, погиб молодой рабочий Евгений Столетов. Поздно ночью его нашли мертвым возле железнодорожного полотна. Сильный, ловкий парень якобы сорвался (по другой «версии» — был сброшен) с подножки тормозной площадки товарного состава, когда возвращался вечером с лесосеки домой.

Поезда в тех глухих местах ходят по узкоколейке медленно, и Евгений, как и все живущие здесь, с детства наловчился прыгать на ходу. Никто из людей, знавших его близко, не может всерьез отнестись ни к мысли, что он сорвался сам, ни к предположению, что его столкнули. Не таким человеком был Евгений Столетов.

Следователь Сорокин, который вел это дело, прекратил его «из-за недостатка улик». Вполне естественно, что такая формулировка не всегда способна успокоить взбудораженные умы. И друзья Столетова пишут в районную прокуратуру, просят вернуться к этому делу, тщательнее разобраться в происшедшем.

В Кедровку приезжает инспектор уголовного розыска капитан Прохоров. Приезд его вызван еще и тем обстоятельством, что один из подозреваемых в убийстве — бывший уголовник, рецидивист Аркадий Заварзин.

Так начинается спектакль московского театра им. А. С. Пушкина «Милицейская история», поставленный народным артистом РСФСР Б. Толмазовым по пьесе В. Липатова и В. Абрамова.

С первых же шагов убеждается капитан Прохоров, что Евгений Столетов был одним из тех людей, к кому, несмотря на молодость, неудержимо тянутся окружающие, в том числе старшие по возрасту и нелегкому подчас житейскому опыту. И кроме того у него были враги.

Зрители узнают о Столетове не только со слов людей, знавших

его. Их воспоминания ретроспективно оживают на сцене, и мы видим Евгения каким он был в жизни. Прием для сцены не новый, и это по-своему хорошо — внимание зрителя, привыкшего к таким сюжетным переброскам во времени и пространстве, не развлекается головоломными детективными загадками.

Так что же все-таки произошло в Кедровке?

Не попав сразу после школы в институт, Евгений Столетов устраивается трактористом на лесопункте. Не со стороны пришел человек. И по всему судя должен был легко войти в рабочий коллектив. Евгений и в самом деле берется за работу весело, энергично, увлеченно, как все делает в жизни.

Когда-то, в самом начале нашего века, Нил — герой пьесы М. Горького «Мещане», сказал: «Хозяин тот, кто трудится». Вот это деятельное чувство хозяина необычайно бурно и по-взрослому серьезно пробуждается в восемнадцатилетнем Евгении, роль которого исполняет артист В. Безруков. Мы видим, как за мальчишеской угловатостью, смешной задиристостью властно проглядывает характер человека решительного, не боящегося с полной ответственностью взвалить на свои юные плечи нелегкие заботы рабочего коллектива.

По известному принципу — чего бы ни делать, лишь бы ничего не делать — приспособился жить мастер лесопункта Петр Петрович Гасилов. Народный артист РСФСР Ю. Аверин создает образ этакого современного Молчалина — умению его все перемолчать могли бы позавидовать иные вполне откровенные бюрократы.

Ничто не дрогнуло в его лице, когда от имени комсомольской организации Евгений Столетов в открытую начал обвинять мастера в служебных преступлениях — бездействии, приписках, занижении плановых показателей. Он олимпийски спокоен — погорячатся молодые и успокоятся. И в упор не слышит того, в чем обвиняет его Столетов. Попробуйте-ка доказать что-нибудь, когда с вами и спорить никто не собирается. Очень удобная жизненная позиция — никогда, ни с кем, ни по какому поводу не вступать в объяснения. И надо сказать, такая, ни на чем в сущности не основанная, многозначительность долгое время помогала жить припеваючи откровенному бездельнику Петру Петровичу Гасилову.

Другой бы отступил обескураженный. А Евгений не может. Не вышел спор — будем думать. И комсомольцы участка принимают решение дать беспощадный бой «гасиловщине». Рассудили при этом просто и логично — если работать в полную силу, то легко можно будет повысить производительность труда на лесосеке в полтора, а то и в два раза. Это само собой неизбежно ломает заниженные планы и систему приписок.

Решение это задевает за живое не только Петра Петровича, но и тех, кому удобно живется за его широкой спиной. И больше других — Аркадия Заварзина, бывшего уголовника.

Вот как сам Заварзин рассказывал капитану Прохорову о том, что творилось на участке до прихода Столетова:

«...Приехал в Кедровку, не сразу, но все-таки получил машину, и начались мои мучения. Работать не хотелось, хоть умри. Через неделю я возненавидел трактор до того, что навсрнул его кувалдой. Психовал я долго, а потом понёмножку да полегонечку стал притихать, так как увидел, что на лесосеке пуп работой не надрывали. Перекуривали, трепались... А зарплата идет! Кто же, думаю, устроил такую сладкую житуху? Пригляделся — Петр Петрович Гасилов. Вот у кого надо учиться! Жить не работая и не воруя».

Чуждым, органически неприемлемым было для него рабочее усердие Столетова. И он возненавидел его. И угрожал, что слышали многие. И с Гасиловым дружил.

А дальше произошло вот что. Надо сказать, что Евгений Столетов был влюблен в Людмилу, дочь Гасилова. Последнего такой зять не устраивал ни с какой стороны. Свою дочь — красавицу он прочил за «перспективного» начальника участка Юрия Петухова, который, по общему убеждению, не из тех, кто может долго задержаться «в этой дыре». И Людмила дала согласие Петухову, но Евгению ничего не сказала.

Был у Людмилы запасной козырь против возможных упреков. По поселку расползся слухок о том, что Евгений «ходит» к вдове Анне Лукьяненко.

Сплетню передала Людмиле ее родная мать, чтобы поссорить молодых людей окончательно. Но и то сказать, если б Людмила хоть самую малость понимала Евгения, разве б поверила в такое? Это был удобный предлог поссориться — не больше того.

О том, что Людмила выходит замуж за Петухова, Евгению сказал Аркадий Заварзин, когда они вдвоем возвращались домой вечером с лесосеки. Новость эта так ошеломила впечатлительного Евгения, что он спрыгнул с поезда на ходу, как прыгал сотни раз до того. Но поскользнулся, забыв, что был в резиновых сапогах, измазанных глиной, и ударился головой о камень. Было темно, и Заварзин даже не увидел того, что произошло.

Несчастный случай, от которого никто не застрахован, которого никто не мог предвидеть, а тем более предотвратить. Но это все стало ясно капитану Прохорову и нам, зрителям, уже под самый занавес. А в тот момент, когда он только раздвинулся, никто из причастных к этой истории не мог с уверенностью утверждать, что убий-

ства не было — слишком явно бушевали страсти, слишком открыто Заварзин угрожал Столетову.

Роль капитана Прохорова исполняет в спектакле артист В. Абрамов, один из авторов пьесы. Он создает образ человека умного, совестливого, выработавшего за долгие годы профессиональной работы умение непредвзято, спокойно, с необходимой мерой доверительности относиться к людям и фактам. Ненавязчиво и зримо передает В. Абрамов сложность характера своего героя. Роль трудная — действовать капитану Прохорову почти не приходится, ведь все свершилось до того, как он приехал в Кедровку. В бесконечных беседах с теми, кто знал Евгения, дружил с ним, любил его, инспектор угрозыска должен восстановить прошлое. И эта драматургия ищущей мысли увлекает зрителя, держит его в напряжении не хуже любого классического детектива с закрученным в тугую пружину событийным сюжетом.

Тем более досадно, когда в самом конце спектакля в словах капитана Прохорова начинает звучать излишняя риторичность, — так и так — во всем виновато мещанство, подлое состояние души Гасилова и иже с ним. И когда капитан несколько излишне обвиняющим тоном заявляет, что «прямых виновников смерти Евгения Столетова нет», следует, видимо, понимать, что есть виновники косвенные.

Кто же они, эти виновники? Вопрос возникает невольно и ставит под сомнение не только кое-кого из героев пьесы, но и режиссерское ее прочтение. Евгений Столетов, каким мы видим его уже в спектакле, действительно не из тех людей, кого можно столкнуть с подножки в прямом или переносном смысле слова. Он был способен постоять за себя и в случае прямого физического нападения и в сложнейшей жизненной ситуации. Свадьба Людмилы, хочется верить, не сломала бы этого характера.

И Аркадий Заварзин не тот уже человек, который мог бы привести в исполнение свои угрозы. Мы верим ему, когда с болью и недоумением признается он капитану Прохорову, что ему пусто жить стало, когда нет рядом Столетова.

Аркадий остро переживает случившееся, сам себя обвиняет беспощадно. Исполнитель роли артист В. Буров открывает нам чрезвычайно сложный характер. Ненависть к труду необъяснимо для самого Аркадия перерастает в свою прямую противоположность. Именно труд преображает, шлифует этот искорверканный импульсивный, но по-своему искренний характер. Мы видим метания героя — от глубоко трагической покорности судьбе, когда он и не пытается доказывать свою невиновность, до яростных рассуждений о конфликте Столетова и Гасилова. И то, как отрезвляет его неумолная ло-

гика событий, как начинаст он осознавать себя человеком среди людей.

Если дано нам, зрителям, предсказывать дальнейшую судьбу героев, то бывший рецидивист Аркадий Заварзин, перед которым открылись столь разные возможности в жизни, уже никогда не смирится с «гасиловшной».

Что касается рассуждения о косвенных виновниках гибели Столетова, то можно согласиться, что да, были люди, виновные в том, что ему захотелось прыгнуть с поезда. И побродить в одиночестве. Но в том, что он погиб, ни прямо, ни косвенно никто не виноват.

Речь к тому, что в данном случае некоторая риторичность, думается, во вред спектаклю, так как излишне прямолинейно обнажает авторский замысел, ставит точки над і там, где надо дать простор зрительскому раздумью, довериться его способности не только сопереживать героям, но и понимать их.

Мещанство же в пьесе и спектакле разоблачается всем ходом событий достаточно откровенно, и нет никакой необходимости нагнетать обвинения в его адрес. Недостаточно убедительные, обвинения эти производят совсем не то действие, на которое рассчитывали авторы.

В целом же получился интересный, побуждающий к раздумью спектакль о героях нашего времени. О юном Евгении Столетове, жизнь которого оборвалась столь трагически случайно, но оставила по себе неизгладимый след в душах людей, знавших его. И об умудренном жизнью капитане Прохорове, который, несмотря на нелегкие свои служебные обязанности, привык верить людям и на редкость прозорлив ко всему лучшему в них.

Т. КУРЕЛЛА

АНДРЕЙ МЕРКУЛОВ

ПОВЕСТЬ

ЛЕДОВАЯ СВАДЬБА

У

тром, после завтрака она столкнулась в коридоре с Федотовым, который опоздал к столу.

— Что с вами? — спросил он, останавливаясь.

— Я плохо спала, — пожаловалась Веснина, — а теперь голова болит.

— Сходите к Кошкину.

— Я уже приняла две таблетки. Выйду на улицу, и все пройдет.

— Хотите с нами вдоль берега поехать?

Ей стало неловко, у нее были сегодня совсем другие планы. И уже никак нельзя было откладывать.

— Знаете что? — сказал он неожиданно. — Вы скоро уедете отсюда. Да и я, наверное, тоже. — Он чуть запнулся, не сумев скрыть своей тревоги о том, о чем он не думать не мог. — Возьмите от меня на память о нашем острове. Я с ним столько уже здесь обзавелся...

И прежде чем она успела ответить, он повернулся и пошел по коридору, а в руке у нее остался маленький компас из тусклой меди — трогательный простенький прибор, казавшийся живым и теплым со своей беспокойной стрелкой.

Весниной вдруг вспомнился маленький загадочный божок, который остался дома, на письменном столе. Все это было уже так давно, как будто она об этом где-то читала, как совсем о другой, забытой всеми жизни... И она невольно вздохнула: ей не везло с талисманами. Этот компас Федотова тоже может быть будет напоминать ей только о том, что с человеком внезапно случилось большое несчастье.

На улице никто не обратил на нее внимания, даже собаки, собравшиеся у камбуза. День был совершенно ясный, и она без всякой тревоги и сомнений сошла на тропу, которая вела вдоль берега и по которой они уже ездили с Казначевым почти к самой избушке. Она надеялась, что головная боль пройдет теперь сама на свежем воздухе.

Даже неопытным своим взглядом она заметила уже всюду признаки назревающей весны, которая как будто накапливалась, чтобы вдруг прорваться на остров. Вдали, над горизонтом она увидела в океане синюю полосу: это было «водяное небо», которое темнело и сгушалось только над открывшейся ото льдов водой. Снег сползал потихоньку с холмов, на склонах, хорошо открытых солнцу, он темнел и набухал влагой, готовый вот-вот исторгнуть шумные побегов ручьев. Там, в глубине, уже назревали природные ледяные парнички, о которых ей рассказывал в самолете Багров, когда они только еще познакомились. Занесенные снегом в прошлую осень трава и листья полярных растений при первом сильном солнце начинали подгнивать и давали тепло, от которого протаивала пещерка, — в этом чудесном природном гроте под ледяной корочкой в самом снегу, как в стеклянной оранжерее, быстро пробивался молодой стебелек, стремясь вспннуть скорее, чтобы использовать полностью короткое здешнее лето. Она прислушалась — голос пуночки, «полярного воробья», так звенел над этим мерзлым берегом, что не дрогнуть, услышав его впервые, могло только самое замшелое сердце. Вдали пролетели над холмами утки, будто белые бумажные корабли.

лики. Птицы высылали уже «дозорных» с материка, которые возвращались, если весна затягивалась, или сразу оставались дожидаться лета, если могли добыть себе корм под снегом.

Багров ей многое успел рассказать в дороге — он ведь не подумал, что Елена Васильевна может быть журналисткой, но зато сразу догадался, что она впервые летит в Арктику, и начал развлекать ее разговором. С немалым уже своим опытом встреч и разговоров с людьми она безошибочно чувствовала, что все, что говорит он ей так увлеченно о своей зимовке,— правда. Он рассказывал ей о том, какой у них есть удивительный человек доктор Кошкин: ходит чуть не за сто верст один, пешком, к больному, причем без шапки, у него почему-то никогда, ни на каком морозе не мерзли уши. Или о том, что есть у них повар Казначев, детина величиной со шкаф, который временно сбежал за Полярный круг от жены. На войне он был разведчиком у партизан, немцы за него большую награду обещали...

Веснина шла вдоль берега не торопясь. От чистого, свежего воздуха ей стало легче, на что она и надеялась. Она шла узкой собачьей тропой по недавнему следу казначевских нартов, ей хорошо думалось о своем: пора уже было попробовать хоть немного разобратся в событиях на зимовке.

Времени ей дали, как водится, немного. «Теперь ведь быстро, самолетом»,— сказал шеф. Он, конечно, не предусмотрел, что самолет может хотя бы на сутки задержаться в пути, и, главным образом, того, что Кучумова могут вдруг застрелить, пока Веснина будет в дороге.

Прошел час с тех пор, как она вышла с зимовки, а тропа все еще спускалась с берега на лед: идти придется еще долго. Но след, накатанный нартами, был отчетливо виден, и шла она не спеша, стараясь только не поскользнуться и чувствуя с огромным облегчением, как проходит ее мигрень и голова перестает разламываться от боли.

Теперь она не могла уже скрыть от самой себя, что действительно очень тревожится за судьбу Федотова — даже если он не говорит всей правды, если в ту глухую страшную снежную ночь, встретившись с пьяным Кучумовым в избе, они повздорили и Федотов застрелил каюра, вынужденный обороняться, а потом побоялся признаться в этом.

После долгого их разговора в кают-компании она снова встретила с ним уже в самолете во время полета над островом, где Федотов, молчаливый и бледный, сидел у большого компаса, вделанного прямо в поверхность специального столика для гидрологов: нелегко ему было, конечно, продолжать работать, как будто бы ничего не случилось... Но чем и как ему помочь, сколько ни думай, все равно не знаешь, как не знают этого и все остальные, много дней разделявшие с Федотовым все трудности дальней зимовки...

Она все шла, внимательно глядя в каждый поворот, — впереди уже видна была будка на льду... Ей вдруг захотелось дождаться того дня, когда прилетят сюда гуси, вскрыется озеро и зазеленеет долина в горах, откуда ветер доносит изредка хриплый лай песцов. Или хотя бы увидеть, как пролетят над островом черные казарки, те, что каждый год отправляются в Канаду, — путем, который даже самолет проходит за много часов.

Странное опять охватило ее чувство привычности к этой зимовке и ее людям, так быстро возникшее за несколько дней. Но уже завтра, быть может, если придет с побережья вертолет гидрологов, ей придется возвратиться с ними к обычным своим делам и обязанностям, завершив очередную командировку: к сквозным коридорам редакции, ленточкам, планеркам, гранкам и полосам. И к вечной спешке, когда каждый день похож на уходящий поезд, потому что газета не может остановиться.

Она привезет с собой фотографии и материал хотя бы для очерка о докторе Кошкине, который ходит по Арктике, не боясь заблудиться. А для себя самой она увезет полярный край в первые дни весны: такой, что увидишь раз — не забудешь.

Незаметно Веснина дошла до будки и заглянула в нее — чтобы еще раз посмотреть на прорубь. Она почувствовала, что ветер понемногу усиливается и стал уже обжигать ей лицо. Потом она поднялась по узкой тропе к небольшой охотничьей избе, где не была еще ни разу, только смотрела на нее от будки, сидя на нартах вместе с Казначевым. Наверху, около избушки, ветер мел уже по насту текущие струйки снега, и скоро под ногами у нее закружилась сплошная снежная пыль, но небо по-прежнему было ясным, и солнце светило:

В дощатой двери было аккуратно выпилено квадратное отверстие, закрытое теперь фанерой, — она так и предполагала, что следователь увезет с собой следы от пули. Теперь на двери снаружи только внизу и в двух местах остались еле видные бурые пятна: последняя память о трагедии на краю света. Она вошла — в избе было пусто и прибрано, и никого в ней не было.

Долго она сидела одна, стараясь собраться с мыслями и ругая себя за то, что поступила слишком неосторожно. Она уже поняла, что внезапно, среди ясного дня, как здесь бывает, вдруг начинается пурга: снег налетит не из облаков, сильным ветром его сорвет и поднимет непроглядной пеленой с самой поверхности острова. Она ожидала встретить здесь следователя и совершенно не представляла, как могла с ним разминуться, поскольку на зимовку он еще не вернулся и никакой другой дорогой по этому берегу пройти на станцию было нельзя.

В избушке было полусумрачно: небольшой дощатый стол, скамейки, широкий топчан из досок в углу, круглая маленькая печка, ящик с углем, полки по стенам, — вот так же здесь совсем еще недавно сидел Федотов, пережидая пургу. Ей вспомнился первый их разговор, чуть ли не каждое слово: теперь ей легко было представить, как он прислушивался тогда к шуму за дверью... Взглянув на полки, она вспомнила, что именно отсюда странным образом пропала федотовская тетрадь.

Становилось холодно. Наверное, здесь можно было затопить печь и найти продукты, — она не знала, сколько еще придется просидеть в избе, если так внезапно в ясный день началась пурга. Хорошо, что снег не застал ее на тропе. И вряд ли Багров похвалит за то, что она пошла одна по острову, никого не предупредив, хотя ее не могли не заметить с самолета, дважды пролетавшего над головой, пока она добиралась до избушки. Потом вспомнила, что здесь вообще

нельзя ходить без оружия из-за медведей: особенно весной, когда они голодные,— и тогда ей стало очень страшно.

На всякий случай закрыла дверь на прочный железный засов, забралась в угол на топчан и стала думать: куда бы мог уйти отсюда следователь со своим чемоданом? Незаметно задремала, утешаясь тем, что мороз ведь не был теперь таким, чтобы совсем замерзнуть во сне. И уже не могла заставить себя встать и затопить печку.

Веснина не посмотрела сразу на часы и поэтому не знала, сколько пробыла в полусне — час или больше, — где-то она читала, что, если человек замерзает, ему становится тепло и грезится лето; ей смутно вспоминалось, перемежаясь с забытьем, именно далекое камчатское лето — высокий шеломайник, дальние контуры вулканов за тайгой, окружающей большое село. И, как немые кадры, тихо прошли друг за другом Шевардин, Елагин, Карганов, Чебрец, старый дед Саранчин, беспокойный и сильный конь по кличке Индус — что-то печальное и теплое охватило ее надолго равнодушным покоем.

Она даже не смогла шевельнуться, когда внезапно отодвинулась фанера, прикрывавшая отверстие, выпиленное в двери, и показалась чья-то большая рука в толстой черной перчатке, отыскивая и отодвигая внутренний засов. И не могла уже понять: действительно все это видит или из давних воспоминаний пригрезилась тяжелая рука бандита Пургина...

В избу, шумно отряхиваясь от снега, вошел следователь Тминов и, сбросив с плеча ружье, небрежно сунул его в угол, так что мерзлый приклад противно проскрежетал по деревянному полу.

— Где вы были? — спросила она, медленно приходя в себя.

— Я давно уже видел, как вы подходите, — сказал Тминов, — но не успел немного: пурга помешала. Пришлось идти помедленней, на ощупь по тропе. Я тут все ходил по берегу, медведика подстреленного поискал на всякий случай... Да где там! Разве его найдешь. Может быть, только, когда снег уже тает. Я так и думал, что вы сюда придете... Сейчас мы с вами печку затопим.

Она даже не представляла, что эти маленькие круглые печи, специально сконструированные для полярников, так легко растапливаются и могут дать столько тепла. Ногой в большом меховом унте следователь отгрел в угол весь снег, наметенный на полу. Потом нырнул под топчан и, вытащив оттуда свой рюкзак, постелил на стол газету и стал открывать консервы. Из жестяной банки, стоявшей у замерзшего окна, он вытряхнул упавшие на газету с деревянным стуком знаменитые казначевские пельмени. Достал с полки сахар и чай, поставил на печку котелок и чайник, — и все это он сделал как-то очень быстро и ловко, с привычкой человека, умеющего в любую погоду заночевать у костра. Пока он хозяйничал, Веснина разглядывала его. Он был еще молод, лет тридцати с небольшим, широкоплеч и крепок, с открытым широким лицом, очень спокойным, но в то же время как будто немного насмешливым.

— Вы сибиряк? — спросила Веснина.

— Нет. Я из Луганска. Отец у меня шахтер.

Странное дело, она не решалась сразу спросить его о самом главном: что ожидает Федотова?

— Так вы здесь все кончили? — спросила она как будто бы безразлично.

— Да. Больше мне тут делать нечего. Да и на острове, пожалуй.
— Вы так думаете? — спросила она, посмотрев на него очень значительно.

Он ответил ей веселым взглядом, с откровенным любопытством.

— У вас есть для меня что-нибудь новое?

Вода тем временем вскипела, и Тминов ловко бросил в нее пельмени: булькнув, они нырнули на дно котелка, как камешки, и достал с полки тарелку и банку с маслом. В этой избе он держался как хозяин, свой, северный человек, а она здесь была в гостях. И было очень хорошо сидеть в тепле, ничего не делая, пока мужчина варит пельмени и кипятит чай. Здесь, начиная с самого Багрова, все умели сами стирать, готовить, прибирать дом.

Печка совсем нагрелась, стало очень уютно, и особенно от того, что за стеной ветер свистел теперь все время на одной непрерывной ноте.

— Так признайтесь, вы сами что-то заметили? — спросил Тминов.

— Кажется, заметила, — нисколько не хвастаясь, но скорее с усмехом сказала Веснина.

— А можно, я попробую все-таки угадать, что вас встревожило? — спросил добродушно Тминов. — Нам сейчас с вами не грех и в загадки поиграть. Пурга-то, по моим соображениям, часа через два только кончится... Так угадать?

— Не угадаете, Павел Гордеевич, — сказала тихо Веснина.

Когда она подняла на него большие свои тревожные глаза — он вдруг заметил в них глубокую тень настоящего женского горя, как бывает даже через много лет у потерявших близких на войне...

— Так в чем же дело? Вас, наверное, очень тревожит то, что не к месту затеял сейчас Багров. Чтобы помочь Федотову, старому другу, Багров, как только прилетел и узнал, раньше даже меня, как было дело, сразу приказал всей зимовке молчать о том, что было. Перед тем как встретились каюр с Федотовым в пурге. Они ведь перед этим сидели сначала за обеденным столом. Как раз по случаю именин Кучумова. А кончилось тем, что сам именинник, в хорошем подпитии, затеял с Федотовым ссору. И тогда Федотов ушел, чтобы не обострять конфликта, а Кучумов вскоре бросился за ним с ружьем. Часа через три Федотов пришел на зимовку и привез на нартах труп, объяснив, что сначала стрелял сквозь дверь в медведя, а второй раз попал в человека. Была ссора, вернее, Кучумов хотел ее затеять с Федотовым, но слова-то, самые резкие, с угрозами, были уже сказаны с обеих сторон, и Багров приказал всем молчать.

— Я знала только, что Багров что-то скрыть от вас затеял...

— А чтобы и Кучумова не проболталась, — продолжал Тминов, — Багров наобещал ей даже пенсию, на которую она не имеет права. Не в силах Багрова, даже при всем желании, такой пенсии ей добиться... Народ здесь дружный, это хорошо. И это тоже аргумент в пользу Федотова, общее к нему отличное отношение. Но куда уж хуже, когда все отвечают нечестно на вопросы, которые задает следователь. Только один человек написал все, как было.

— Я знаю, кто этот человек...

— Кстати, — сухо сказал следователь, — он единственный выполнил свой гражданский долг.

— Кстати, — сказала Веснина, — вас он, конечно, сейчас не инте-

ресует. Он закона не нарушил и даже выполнил свой долг. Но этот человек как раз для меня. Для очень серьезного очерка на моральную тему.

— Это уже ваше дело, Елена Васильевна. Я ведь не знаю, что вы за ним нашли,

— Так что же вы все-таки угадали насчет моей находки, Павел Гордеевич? Меня ведь теперь интересуют больше всего не штучки Багрова. Хотя некоторые подробности для меня, конечно, в новость. А вот судьба Федотова... О том, что решит суд, предсказать мне не дано.

— Уголовного дела не возбуждать я не могу, но по всем моим данным, он действительно стрелял, думая, что обороняется от медведя. И я не сомневаюсь, что экспертиза это подтвердит — по наклону каналов от пуль, пробитых в двери. По объективным данным, Федотов стрелял именно сквозь закрытую дверь, через всю избу, а Кучумов, уже ослабев от мороза, поднялся, цепляясь по двери, и привалился к ней, стоя, в последнюю минуту настолько плотно, что наклон направления пули совпадает очень точно с отверстием в двери и с раной на теле покойного...

— Павел Гордеевич... вы уже произвели осмотр убитого? Вы можете мне рассказать, как он выглядел?

— Выглядел просто как убитый,— с некоторым удивлением сказал следователь.— Это уж точно. А почему вас это интересует?

— Ну все-таки расскажите, каков он из себя...

— Зачем вам это? Приятного в осмотре трупа всегда мало. Даже для нас, профессионалов. Тем более не к чему смотреть на это женщине. Без крайней необходимости.

— Надеюсь, вы не думаете, что я упала бы в обморок?

— Ну что ж вам рассказать?... Огромного роста мужик. Лицо сведено предсмертной судорогой. Он уже, конечно, совсем окоченел на морозе. Руки большие, серые...

— Достаточно,— остановила следователя Веснина.— Мне вполне достаточно того, что вы сказали про его рост и большие руки. Вот это-то меня и начало здесь тревожить. Редакция получила о Кучумове письмо, в котором его очень хвалили. И между прочим, там упоминалось, что и роста он небольшого и здоровья слабого...

— Так,— сказал следователь.— Так. И письмо это у вас с собой?

— Конечно. Вот вам теперь и лишние хлопоты...

— Какие уж тут к черту хлопоты! Дело-то, может быть, совсем серьезное...

— Кстати, приходилось мне писать о сектантах, и о баптистах в частности. Вы обратили внимание на религиозность Кучумовой?

— У нас тут не бывало религиозных преступлений. Вот уж в этом деле я, к сожалению, совсем не специалист.

— Так вот Кучумова только выдает себя за баптистку. И на зимовке — люди-то здесь все порядочные — боялись даже оскорбить ее религиозность. Это и помогло ей держаться как бы в стороне. Для этого она и развесила у себя полотенца с баптистским лозунгом. Не зная даже того, что баптисты в то же время не признают ни икон, ни креста. Тот ли это Кучумов, к которому я ехала...

Невольно оба они посмотрели на дверь, где выпиленное отверстие было прикрыто куском фанеры; ветер уже стихал, но под его

последними порывами дверь все еще скрипела и стучала, как будто кто-то хотел войти в избу. Еще совсем недавно здесь сидел Федотов, а за дверью стоял человек, который по всем документам был мужем Кучумовой, бывшим приемщиком пушнины из таежного села...

— Ну что ж,— сказал Тминов.— Мы, конечно, проверяем и личность убитого. Но как? По документам. А они были в порядке. Конечно, завербоваться в областном центре можно, просто сменив фотографию в паспорте, у нас ведь не пишут в паспорте внешних примет. Если все документы оказались у нее и у сожителя, то настоящего Кучумова действительно может уже не быть... Я снял, конечно, у него отпечатки пальцев. И мне действительно не понравилось кое-что в его поведении, да еще все эти знакомые наколки... Но прямых оснований не было.

— К тому же ведь всех волновала, а вас по прямому долгу службы, прежде всего проблема вины Федотова. Меня, например, очень смутила как бы моральная подмена в этом каюре, отношение к нему зимовщиков да и сама вдова. Она сейчас добивается или здесь поскорей его захоронить, или выбраться на побережье. То-то она все бродит по ночам вокруг склада, где покойник заперт.

— В любом случае ждать ей уже недолго,— сказал Тминов.— Как только придет вертолет гидрологов, я вернусь вместе с телом убитого для экспертизы на побережье. А она, тем более что сама отсюда выбраться хочет, полетит со мной, тело мужа сопровождать...

На зимовке топили баню. Маленькая, чистая, она была пристроена к котельной. Кучумова уже ждала женщин в предбаннике. Они разделись и вошли в баньку — там, на деревянной полке, рядом с краном и цинковыми шайками лежала большая глыба льда, а рядом с ней топор.

— Удивляешься? — спросила Кучумова у Весниной и тихонько засмеялась.— У нас тут так. Горячей воды я с утра нагрела, она через кран из котла течет, а вот холодной нет. Ледку положим в горячую шаечку, сколько тебе надо. И будет хорошо.

Она взяла топор и быстрыми, точными движениями ловко рассекла лед на небольшие куски. Веснина, сидя вместе с Ниной Осколкиной рядом на деревянной лавке, невольно следила за каждым взмахом топора: лед крошился с легким хрустом и быстро таял в горячих шайках. Вода от этого была очень мягкой. Глядя на топор, Веснина лишний раз порадовалась... Еще в день приезда Федотов спросил ее за столом — приходилось ли ей за обедом знакомиться с убийцей? Теперь вот, очень может быть, приходится в одной бане мыться... Хорошо, что Кучумова не знала, кто именно рассказал сегодня Тминову про письмо, которое может теперь прямо навести на след ее прошлой жизни.

— Ты, никак, замерзла, девка? Вроде дрожишь,— спросила Кучумова и подвинула ей шайку с горячей водой.— Нёбось к северу нашему не привыкла, все мерзнешь? И как тебя в такую даль пустили?... Здесь-то люди еще ничего, все интеллигентные, вроде тебя. А в тайгу ты не ездил. Мужики-то, они дурные бывают, как только хорошую бабу увидят... Ишь ведь ты какая...

— Какая уж есть,— сказала Веснина.

— Муж-то кто у тебя? Нёбось дома остался?

Веснина не ответила, смывая мыло с лица. В бане Кучумова сама

как бы отогрелась, стала естественней и проще. По старой привычке русских крестьян, которые считали, что в бане и перед богом все равны, она обращалась теперь к Весниной на «ты». И Веснину удивило, насколько для своих пятидесяти лет Кучумова прекрасно сохранилась, как это часто бывает с женщинами очень хладнокровными, эгоистичными. Была она в меру полной, при небольшом своем росте двигалась легко и быстро. Наблюдая за ней, Веснина подумала: «Интересно, что все-таки связывало ее с покойным каюром,— случайная зависимость или долгое, безрассудное чувство, ради которого идут на все?»

С утра над самой крышей Веснина услышала шум винтов, который должен был означать конец ее командировки. Это прилетела экспедиция гидрологов, исследовавших побережье, чтобы высунуть общий ледовый прогноз на этот год. Они должны были облететь вокруг острова и убедиться наконец, в самом ли деле льды начали вскрываться именно там, где предполагали Федотов и Багров.

Сидя у большого окна кают-компании, она торопливо набрасывала самые последние записи — сюда ведь потом не позвонишь по телефону, чтобы срочно уточнить детали; чемодан ее уже был собран, она знала, что сразу после разведки над островом гидрологи вернутся на побережье, но ее поразил неожиданно мощный гул двигателя: огромная трепещущая тень мелькнула над домом, и в окно она увидела, как непривычно большой вертолет, взметая снежную пыль, опустился на маленьком аэродроме полярной станции. Рядом с ним самолет зимовки показался фокстерьером, который смотрит сверху вниз на прыгнувшего вдруг прямо с неба сенбернара...

— Вот это действительно вагон! — сказал с невольным уважением следователь. — Давно ли нартами сюда добирались...

В окно им было видно, как жители поселка сбегаются к аэродрому. Багров и Федотов сразу поднялись по трапу — и только тут она поняла, что Багров или забыл ее позвать, или нарочно не захотел пригласить пролететь над островом с гидрологами. И она отвернулась от следователя, чтобы скрыть обиду.

Вертолет поднялся, и шум его огромного винта гулко отозвался над горным хребтом, а они опять остались в тишине, вдвоем в кают-компании.

— Ну, вот мы с вами и закончили здесь все дела, — сказал Тминов. — Кстати, Кантиков нашел в горной пещерке капканы, которые Кучумов ставил на песцов. Сейчас это не имеет уже значения. Но все же... Ведь нам теперь на севере и браконьерством всерьез заняться придется. Медведь, и тот под охраной.

— Кучумова летит с нами?

— Конечно. Она ведь убеждена, что из большого поселка на побережье легче будет сразу уехать, если мы ее вызывать начнем и спрашивать.

— Скажите, а почему вы стали следователем?

— А вы почему так часто пишете на судебные темы?

— У меня к уголовщине давно свои счеты, — сказала Веснина. —

Самой пришлось столкнуться с бандитом. Да еще в тайге.

— А у меня так и вовсе счеты с ними с детства, — серьезно сказал Тминов. — Буквально на глазах товарища моего школьного ни за

что ножом пырнули... И я как-то вдруг сразу решил, куда пойду учиться. В детстве ведь впечатления бывают особенно сильными.

— Но я все-таки не специалист. Хотя очень жалею, что сама в юридическом не училась,— сказала Веснина.

— Зато вам много видеть приходится. Вы ведь по всей стране ездите, не то что я — по одному своему району.

— Наверное, у каждого своя не только география, но и внутренняя специализация. Знаете, кем мне чаще всего хочется быть? Именно свидетелем правосудия... Вы собираетесь сообщать зимовке о результатах следствия?

— Я говорил с Багровым, посоветовал выделить общественного защитника. Федотов сегодня слишком занят, с самого утра. Ведь для него вот этот полет над островом, может быть, больше всего в жизни значит...

Она невольно ждала в кармане маленький медный компас: если бы только действительно талисманы способны были помочь! Много лет, отказываясь от всего, работать на этом острове в надежде, что настанет все-таки время и точный прогноз наконец сможет предсказать пути кораблей вдоль сурового северного побережья, где пробивали дорогу десятки упорных людей и не одну сотню лет...

Она пошла в комнату Осколиковых и стала собирать вещи.

«Он не придет,— подумала Веснина.— Сегодня ждать уже поздно. Все-таки я ошиблась».

В комнату постучали так тихо, что она решила, будто ей послышалось, но дверь открылась, и она увидела Хребтова.

— Вы ко мне?

— Я, кажется, единственный, с кем вы не успели поговорить,— сказал Хребтов.

— Да в общем-то мне уже достаточно все ясно и возвращаться пора...

— Вы в этом уверены? — спросил Хребтов.— В том, что вам все ясно?

Она ждала, что он скажет дальше.

Он начал издали и стал рассказывать, как ему с самого начала было трудно — впервые на такой дальней зимовке, с новым коллективом, тем более что Багров вскоре улетел в отпуск, оставив на него всю эту станцию. К тому же Багров не привык, чтобы ему в чем-либо перечили и меняли заведенный им порядок. Конечно, у него здесь есть заслуги...

— Ваш Багров просто груб и самовластен,— сказала Веснина.— Напрасно вы его защищаете.

— Да, он не терпит возражений и установил здесь свой режим,— подтвердил Хребтов.

— Режим личной власти? Как Семенчук?

— Ну, не совсем как Семенчук... Время сейчас не то.

— Не совсем, но все-таки...— Она задумалась и припомнила, хоть и не с такой точностью, как мог бы сам Багров, в чем же в свое время сбивали этого Семенчука. «Являясь начальником полярной станции острова Врангеля в 1934—1935 годах и злоупотребляя своим служебным положением, он ущемлял коренное население в снабжении его продовольствием и топливом, сорвал ему охоту на морского зверя, допускал явно издевательские действия в отношении

коллектива зимовщиков и, опасаясь разоблачения своих действий со стороны врача полярной станции Вульфсона, организовал убийство последнего, склонив к этому каюра Старцева...» Примерно так.— Мне кажется, что от меня и от следователя здесь что-то скрывают,— сказала она.— Это может быть?

— Это так и есть. Перед тем как Федотов привез из избушки тело каюра, у них была ссора.

— Что же вы об этом сразу не сказали?

— Я сказал. Следователю. Но все решили молчать об этом. Так хотел Багров. Я мог бы вам и еще кое-что показать, но для этого надо снова ехать в избушку. Вы, когда были там со следователем, все осматривали?

— Только дверь и пол. Он выпилил доску со следами пуль и отдаст ее на экспертизу.

— А полки вы осмотрели?

— Зачем?

— У вас есть еще время?

— Если надо, давайте съездим еще раз. Мне зайти за следователем Тминовым?

— То, о чем я говорю, интересует только вас. Как журналиста.

— Тогда поедем,— сказала она решительно.— Сегодня я здесь последний день.

Веснину удивило, как легко и бесшумно он ходит, даже в доме,— настоящий таежник, и дверь он открыл так, что она против обыкновения даже не скрипнула. На улице за сараем стояли нарты, и собаки уже были запряжены. Прямо отсюда они съехали вниз, на тропу, начинавшуюся под высоким берегом. Как всегда бывает, уже знакомая дорога показалась ей теперь намного короче.

— Скажите, а это очень серьезное дело, научная работа Федотова? — спросила она у Хребтова.

— Конечно, серьезно. Беда лишь в том, что он маньяк, который не терпит никаких других взглядов. Даже на жизнь, не только в науке. Это бывает у талантливых людей. Собственно, он ведь и раньше Кучумову грозил — тот, конечно, был не мастер деликатно выражаться... Но работали здесь все, не один Федотов, тот же каюр помогал ему почти три года. Время гениальных одиночек кончилось, и тему теперь обычно ведет целый коллектив. Так надежней.

— Вы в этом уверены?

— В том, что время одиночек кончилось, или в том, что коллектив надежнее?

— И в том и в другом.

— Так ведь все теперь пишут... И я так думаю.

Снова по ветру долетело до них из долины звонкое тьяканье песцов.

— У них что-нибудь там случилось? — спросила Веснина.

— Просто идет весна. Здесь это очень бурные дни. Пожалуй, последний раз на собаках едем, снег на солнце вспухнет, потечет, и нарты будут проваливаться.

Теперь ей надолго запомнится эта избушка на юру, последнее людское пристанище на самом краю жизни,— отсюда до самого полюса уже не было твердой земли.

— Елена Васильевна, идите сюда,— позвал ее Хребтов из избышки.

На деревянной полке она опять увидела небольшую стопку книг и какие-то бумаги, которые вчера так и не успела посмотреть. Хребтов снял все с полки. В пачке бумаг, как она и думала, лежала уже знакомая ей тетрадь.

— Вот посмотрите,— сказал Хребтов.

Она села за стол и стала листать. Все, что относилось к Кучумову, было теперь тщательно отчеркнуто и собранное вместе походило на заносчивый бред Раскольниковца.

— Когда мы тут бываем, поневоле все просмотришь со скуки... Меня и раньше тревожил этот дневник. Похоже, что большой человек,— сказал Хребтов.

— Чей это почерк?

— Вы еще не догадались? Это тетрадь Федотова с его расчетами. Но кроме расчетов здесь личные его заметки. Во что бы то ни стало избавиться от канюра — разве это не навязчивая идея, да еще с таким самомнением распорядителя чужой судьбы?

— Я могу ее взять с собой?

— Вам это просто необходимо. Я для того и привез вас сюда.

— Не будем терять времени, вряд ли нужно, чтобы нас хватило на зимовке...

Она вышла из избы. Небо темнело на горизонте над океаном уже с двух сторон. Очевидно, пролив действительно очищается от льда.

Хребтов замешкался в избе.

— Алексей Валентинович, что вы еще там забыли?

Он показался в дверях. И Веснина подумала, что нет смысла тянуть.

— Самое трудное для журналиста,— сказала она,— это преодолеть формальную ясность первых впечатлений, когда сюжет и его решение легко складываются сами собой. Начальник зимовки явно самовластен, без свидетелей был убит человек, а предварительно была ссора и дурные отношения, и есть даже записки с признаками угроз и неврастении, пусть даже от переутомления в условиях длительной зимовки... Чем не новое дело в духе Семенчука? Разве это для журналиста не сенсация? Разве не соблазнительно показать себя беспристрастной, не побояться даже нарушить традицию писать о героической Арктике только в положительном тоне? Тем более что Багров вел себя со мной в последнее время довольно грубо, было на что обидеться...

— Не только с вами. Он уже выбросил однажды отсюда одного местного журналиста,— с некоторым беспокойством заметил Хребтов.— Прямо за шиворот довел его до самолета. Едва это дело замяли.

— Вот видите. Не так уж трудно показать на весь свет самодурство Багрова. А этого ему не простят, даже при заслугах. Тем более что он велел вам скрывать эту ссору от меня и от следствия.

— Не только мне, но и всем,— сказал Хребтов.

— Вот видите. Это уже похоже на круговую поруку. А явное его стремление выгородить Федотова во что бы то ни стало? Это, так сказать, внешняя канва... Но есть и другое.

— Что же именно? — спросил Хребтов спокойно.

— Слишком уж все получается правильно, как мебель, которую расставили в театре. Лично к вам во всем этом деле у следствия, наверное, не может быть никаких претензий, тем более что вы единственный дали полное показание следователю... Но что меня несколько удивляет, так это ваше попустительство каюру в отсутствие Багрова.

— В чем попустительство? — быстро спросил Хребтов.

— В его невежественной распре с Федотовым. Каюра надо было просто поставить на место, не позволяя ему указывать, как должен работать ученый — дома или на льду. Я думаю, что все это не просто зависть. Тетрадь Федотова у вас — там все расчеты. Успех этой работы обещает высокую премию и широкие возможности в будущем. Федотов сейчас, по вашему убеждению, прочно под следствием, Багров ведет себя слишком несдержанно во всем этом деле, и может быть, на зимовке останется при должности один Хребтов... Вы ведь очень нервничали за последние дни, признайтесь... Я вас все ждала, и вот вы пришли... Этой тетради еще вчера здесь не было. Вы, наверное, носили ее с собой, не решаясь пустить дело и не зная как. И записи в тетради, казалось вам, могут послужить доказательством признания Федотова в намерении убить каюра — ведь кто не читал, как изобличили Раскольникова по откровенной его статейке в печати! Но когда великие трагедии повторяются, как по учебнику, может получиться только фарс.

Хребтов молчал.

— И вот вы даете эту чужую тетрадь мне, а не следователю, в надежде, что печать оперативней и не так осмотрительна, как следствие: надо полагать, что статья в центральной газете, написанная раздраженным автором, очень повредит Багрову, да и на юристов может повлиять. И тогда положение Федотова было бы скверным, тут вы правы... И все-таки вы мне дали еще одну тему для статьи. Но совсем не ту, на какую рассчитывали...

Ее удивило, что он не возражает, даже и не пытается оправдаться, — он все еще стоял в дверях, а она у самых нарт, она решила, что, высказав здесь все, без свидетелей, дала ему все возможности проявить при этом какое-либо человеческое раскаяние и стыд и даже как-то объяснить по-своему свою почти невидимую роль в тревогах этих последних дней.

Вдруг он шевельнулся и быстро взглянул на нее — и тогда она будто впервые увидела этого человека, немало прожившего в тайге, в экспедициях; с непомерно широкими плечами, быстрой и легкой походкой, с длинными узловатыми руками. Увидела его глаза, спокойные и пристальные, без всякого волнения, желтые и ясные, внимательные, как у кошки, когда та следит за всем, что движется, чуждая всякой сентиментальности, готовая к прыжку.

Она увидела, как он легко ступил от двери и сделал шаг в ее сторону.

Тихо и ловко он шел к ней, и она понимала с каждым его шагом, что с ним не поговоришь уже строгим голосом, как зоолог рекомендовал говорить с медведем; он был терпелив и осторожен и много лет ждал своего случая, и нелегко ему было решиться на действия против Багрова, но он решился, а она сразу разрушила

все, что он так тихо построил, даже собственное его нынешнее положение.

Собаки вертелись и скулили рядом, но вряд ли они могли помочь. Она оглянулась вокруг — беспредельно и ясно стояло над застывшим в тишине островом голубое небо, от снега пахло весной, все было нестерпимо ярко и отчетливо, и пустынно, и беззащитно, полное одиночество, когда нет никого страшнее приближающегося человека, а у самого берега уже открылись глубокие темные полыньи, куда она могла бы попасть и сама невзначай, опять уйдя без разрешения от зимовки и никого не предупредив... Он сам, конечно, не предполагал, чем это все может кончиться, но он с самого начала не хотел, чтобы знали, как они поехали сюда за тетрадь, и поэтому заранее даже смазал петли скрипучей входной двери в доме: и заранее запряг собак за сараем, чтобы сразу съехать на тропу под высокий берег, откуда их не видно с зимовки; и теперь на десять километров вокруг нет никого.

С какой-то неистойой тоской она вдруг вспомнила запах черемухи и шелест листьев над тихой Вяземкой, у омота, где когда-то утонула в страшной темной и холодной воде больная мельничиха; она еще услышала странные голоса в далеком небе — там, вдоль берега, шли треугольником гуси, которых ей так хотелось видеть... И темный силуэт, обозначившийся над ними, не сразу вошел в ее сознание, когда она сказала чужим и хриплым голосом:

— Опомнитесь. Нас видят, как на сцене.

Он быстро и зорко оглянулся — самолет ледовой разведки уже напылывал четким крестом, возвращаясь от океана, но ветер отнесил в сторону шум мотора.

— Не та теперь Арктика, — сказала она.

Они стояли уже совсем рядом, через нарты.

— Елена Васильевна... Как вы могли подумать, — пробормотал Хребтов; глаза его сразу погасли и стали вялыми.

И тогда с яростью, какой за собой еще не знала, она изо всех сил хлестнула его по щеке — он даже не двинулся и только взялся рукой за скулу.

Самолет в это время с ревом низко прошел над ними, два раза качнув крыльями.

— Зачем вы так? Ведь могли увидеть, — сказал Хребтов.

— Ничего. Я скажу, что вы ко мне приставали. Это даже вас украсит. И времени у меня больше нет, они вернулись, и мне пора собираться.

На всем обратном пути Хребтов сидел на нартах ссутулившись, уныло опустив плечи, почти не окликая собак, которые шли по знакомой дороге сами, а она жадно вдыхала влажный морской ветер, и голос пуночки звенел над берегом так живо и радостно, чисто, как прозрачный ледяной бубенчик; они ехали, как будто ничего не случилось, быстро и ровно.

Вертолет вернулся. Взяв Багрова с Федотовым под руки, гидрологи пели хором песню из тетради Федотова:

— Пусть твой путь весь пургою отмечен, но зато твое сердце не лед. Равнодушие даже не лечат, равнодушие сразу убьет. Тот, кто сердце на мелочь растратил, тот с земли оторваться не смог. Но уходит в простор испытатель неизвестных ледовых дорог. Будто нам

заиграют горнисты, затрубят трубачи под окном... Ты услышишь призыв — и, как выстрел, полыхнет твое сердце огнем. Встанет ночь над тяжелыми льдами, но сквозь ночь, сквозь пургу, надо льдом ты увидишь рассвет — и, как пламя, полыхнет твое сердце огнем!

На ярком весеннем солнце горела оранжевая полоса на борту большой машины.

...Минут через десять Багров вошел в кают-компанию, вошел как-то даже непривычно тяжело. Заметив Веснину, он вдруг нахмурился, сказал коротко и сердито:

— Ребята очень торопятся. Я уже велел отнести ваш чемоданчик в машину.

— Я хотела только попрощаться со всеми.

— Некогда. Командировка ваша кончилась, — он заявил это так свирепо, как будто ломал последний меридиан.

— Да ты что, Петр Дмитриевич? Что это с тобой? — возмутился вдруг спокойный Тминов.

Веснина посмотрела на Багрова так, что он отвернулся и полез зачем-то в библиотечный шкаф... Тогда она повернулась и вышла, услышав, как за ее спиной Тминов сказал Багрову:

— Опомнись! Жалеть будешь...

И Багров крикнул ему в ответ:

— Долго вы тут все учить меня будете? Я сам знаю, что делаю!

Когда Веснина вышла на улицу, ей показалось, что больше она не выдержит — слезы душили, казалось все напряжение последних дней. Ей уже было не до переживаний Багрова. И, не колеблясь ни минуты, она пошла в лабораторию проститься с Федотовым — она видела, как он прошел туда, очевидно чтобы хоть на несколько минут остаться одному и прийти в себя. Но у нее уже не было времени.

Она открыла дверь, пройдя через тамбур, в лабораторию, всю заставленную банками для гидрологических проб, — и вдруг забыла все, что хотела сказать.

— Знаете, Глеб Демьянович, ваш Багров не дал мне даже попрощаться со всеми... — начала было она.

Но Федотов, несколько не удивляясь, что она пришла, вдруг спросил ее — и голос у него был совсем медленный и глуховатый.

— А помните, я вам в первый день рассказывал про троллейбусы на Миусской площади? Так вот послушайте: «Там, где крадется в тихом сквере, шурша шагами, снегопад, неповоротливые звери — троллейбусы большие спят. По крышам тихо ходит вьюга, и, тесно сдвинув буфера, они как дышат друг на друга — чтоб не замерзнуть до утра. Кружатся медленные сны, пороша легкая кружится, — они, как спящие слоны, которым Африка приснится...»

Веснина совсем растерялась и молчала, и тогда Федотов сказал, очень медленно и тихо:

— Только вы не обижайтесь, на это ведь нельзя обижаться, — но вы, как розовая чайка... Вы о таких, может быть, и не слышали, а это очень редкая и удивительная птица. Они настоящего чистого цвета ранней полярной зари. Когда они сядут на снег, кажется, что пришло счастье.

В комнате стало очень тихо, потом ей вдруг показалось, что в сенях что-то упало с железным звоном...

Багров, когда его пристыдил Тминов, решил наконец переломить себя и пойти извиниться; узнав, что Веснина прощается с Федотовым, он отправился к нему в лабораторию и, открыв дверь в тамбур, увидел на стене лаборатории, в ярком отблеске света от окна, две четкие тени, склонившиеся друг к другу очень близко... Секунду он постоял в оцепенении, потом резко повернулся и вышел, с грохотом свалив в сени ведро.

Он вкатился в лазарет к Кошкину, который получил с вертолетом медикаменты и теперь развешивал что-то из банки в отдельные пузрырки.

— Слушай, доктор,— сказал Багров.— Дай мне что-нибудь от простуды.

Кошкин подал ему пару таблеток и стакан с водой. Багров посмотрел в стакан.

— Не то.

— Тебе другого надо?

— Немедленно.

— Ну, раз так...— сказал Кошкин.— Спирт у тебя есть свой. Но я тут припрятал кое-что. Прислали из дома.

Он достал из-за аптечки бутылку с иностранной этикеткой.

— Это что?

— Виски. «Белая лошадь».

— Опять белая лошадь? всю жизнь мне, что ли, белая лошадь?— вскричал Багров. Он выпил сразу весь большой стакан и сел у стола.

— Доктор,— позвал он.— Дай мне спички...

— Где твоя зажигалка?

— Потерял за эти дни... Ну, и хрен с ней.

— С кем? Зажигалкой?

— Может быть,— сказал Багров.— А я все иду через поле. Как белая лошадь, все прямо, без конца.

— Что же ты ее все гнал с зимовки?— спросил Кошкин.— Я и не думал, что это так серьезно...

— Ты меня знаешь. Не умею я с ними. Так лучше уж сразу с глаз долой.

— Вот ты все так. Где не надо — напролом, а здесь даже заговорить не попробовал...

— Как не попробовал? Да я ей еще в дороге сразу предложил выйти за меня замуж. Даже не знал, есть у нее муж или нет. Думал, она сюда к мужу летит, в какой-нибудь поселок.

— Да кто же так делает? Она тебя еще и знать не знала, так же как и Федотова в первый день, а ты сразу как из пушки... Из тебя жених как из копра, которым сваи забивают. Беда мне с тобой.

— Может быть, правда, два дня подождать надо было,— сказал Багров неуверенно.— Только я же не знал, куда она летит. Думал, на другой день уже расстанемся, потому и поспешил немного.

— Бревна на тебя нет. Полена хорошего,— печально сказал Кошкин.— Я ведь тебе в Сочи невесту присмотрел, заботливая такая медсестра... Небось сам не знаешь, что тебе надо.

— У тебя все они хорошие... Да черт мне с ней теперь, с медсестрой и с твоим Сочи. Такая у меня судьба. Гулять на чужих свадьбах. Кругом мне выходит белая лошадь и черная кошка.

— Кто знает? Может быть, и тебя где-то ждут. Пока ты сидишь тут на своем ледовом острове,— сказал Кошкин.— Мы ведь упрямы, как старые корабли.

— Не знаю. Ничего теперь не знаю,— сказал Багров и посмотрел туда, где наполнялось уже новой вешней водой озеро Обманов и где мерещились им иногда на горизонте острова, таинственные, как Земля Санникова...

После того как все окончательно прояснилось, Багров написал Весниной.

«Дорогая Елена Васильевна! Простите великодушно, что доставил Вам столько лишних забот и волнений в эту нелегкую для всех нас неделю. Я был, безусловно, перед Вами совершенно не прав, но мне уже достаточно того, как я за это наказан. Кто знает, как долго придется мне нести свой крест, уходя одиноко за горизонт...

На всем побережье только и говорят о том, как раскрылось дело Кучумовых. Он оказался беглым уголовником. И очень ловко спрятался в должности каюра на далеком острове, воспользовавшись документами убитого им Кучумова — мужа давней своей любовницы. Недаром мы всегда чувствовали, что этот человек не наш, чужой.

Теперь у нас считают, что на зимовки очень полезно присылать внезапно красивых женщин: это благотворно действует на здоровый коллектив.

Тминов, Павел Гордеич, шлет Вам самый горячий привет, напоминая, что Вы с ним договорились при первой возможности увидеться в Москве. Убитого медведя нашли. Следовательно извлек из него федотовскую пулю, и это окончательно разъяснило обстоятельства дела. Тминов говорит, что у Вас легкая рука. От Хребтова я и сам решил избавиться за то, что он потакал без меня каюру, но нам бы и в голову не пришло, что он способен использовать общее наше несчастье и даже безбидные федотовские дневники, чтобы построить себе на чужих «костях» карьеру: темный и скрытный тоже оказался мужичок, хоть и с кандидатской степенью...

Сейчас мимо острова идут корабли — «по Федотову»! — и мы решили назвать пролив его именем. Все наши зимовщики шлют Вам и Глебу свой дружеский полярный привет и желают долгого счастья в совместной вашей жизни. И чтобы без всяких забот провести отпуск, который Глеб так давно заслужил.

Пишите нам тоже, письма здесь очень ценятся. Глебу-то теперь небось не до писем, но Вы должны проявить больше чуткости.

Всегда Вам преданный, Багров».

Рисунки И. СМЕРНОВА

В ИНТЕРЕСАХ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

22 июня 1973 года в Москве был подписан Договор о взаимном оказании правовой помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой. Согласно Договору граждане СССР на территории Ирака и граждане Иракской Республики в нашей стране пользуются в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой и судебной защитой, как и граждане каждого из договаривающихся государств.

В Договоре предусмотрен порядок вручения судебных документов и исполнения судебных поручений по гражданским и уголовным делам, а также правила взаимного признания и исполнения решений судов и других органов.

Руководствуясь желанием поставить сотрудничество в этой области на стабильную основу, стороны договорились обмениваться информацией по правовым вопросам.

Договор подписали: с советской стороны — министр юстиции Союза ССР В. И. Терсбилов; с иракской стороны — Чрезвычайный и Полномочный Посол Иракской Республики в СССР Салех Махди Амаш. В своих речах после церемонии подписания Договора В. И. Терсбилов и Салех Махди Амаш дали высокую оценку этому документу, назвав его взаимовыгодным, равноправным и способствующим дальнейшему сближению между нашими странами и народами.

НИКТО НЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ В БЕЗОПАСНОСТИ

**Обществен-
ность США
обеспокоена
ростом
преступ-
ности**

Страх и подавленность царят среди жителей многих больших и маленьких городов США. Люди запираются в своих квартирах, как в осажденной крепости, для борьбы с грабителями вооружаются хитроумными приборами и особыми химикалиями, покупают пистолеты и автоматы; более богатые, не доверяя полиции, нанимают частных телохранителей. Бьют тревогу пресса и телевидение. Но преступность растет.

Мы публикуем с небольшими сокращениями три статьи из американской печати, свидетельствующие о размахе преступности в США.

Из журнала „Ньюсуик“

В сегодняшней Америке преступность не только окружает людей в их реальной жизни, она скопала страхом и их сознание. Не так уж много американцев умирает от одного только страха, но его леденящее действие омрачает повседневную жизнь миллионов людей в городах и пригородах. Хотя статистики утверждают, что уровень преступности, возможно, несколько снижается, но страх перед преступностью с невероятной скоростью перерастает в психоз, полностью меняющий представление людей о самих себе и образ жизни, который они ведут. Его симптомы знакомы до мелочей: четыре замка на входной двери, ежевечерняя партия бриджа отменена (или сыграна еще до захода солнца)

), в автобусах и такси не разменивают крупных купюр, вооруженный патруль в здании начальной школы — и почти у всех неизменное чувство незащитности.

Страх уже сам по себе, как утверждают некоторые специалисты, способствует созданию обстановки, которая благоприятствует бурному развитию преступности: пустынные улицы, атмосфера подозрительности, утрата доверия к полиции. Но подобно тому, как у всякого параноика могут быть и реальные враги, у большинства американцев есть весьма веские причины для страха. Наиболее высокая концентрация преступности по-прежнему остается в районах гетто, но она давно уже проникла в жилые кварталы, где обитают средние слои общества, и в пригороды, часто следуя по пятам наркомафии, с которой она так тесно связана. Никто сейчас не чувствует себя в полной безопасности. В список недавних жертв уличных преступлений попали сенатор Уильям Проксмайт, ограбленный в Вашингтоне, епископ епископальной церкви Пол Мур, подвергшийся нападению в нью-йоркском Центральном парке, и заместитель министра юстиции США Эрвин Гриссуолд — в гарвардском университетском городке.

Боязнь быть ограбленным сменилась ныне куда более острым страхом физического насилия: сегодняшний грабитель, пожалуй, более, чем его предшественники, склонен нанести телесный ущерб или даже совершить убийство в целях ограбления. Эмоциональная атмосфера более прежнего насыщена расовыми предрассудками... Политические деятели, чувствительные к подобным страхам, уже ведут подготовку кампаний к выборам в новом году в мэры Нью-Йорка,

Лос-Анджелеса и других городов под лозунгом «закон и порядок». «Знаете ли вы, что такое консерватор? — спрашивает Фрэнк Риццо, полицейский комиссар Филадельфии. — Это либерал, которого накануне вечером схватили на улице за глотку».

Весь этот кошмар продолжается до сих пор, несмотря на наступление, которое считается наиболее всесторонним и дорогостоящим из всех наступлений, когда-либо предпринятых против уличной преступности. Ободрившись внушительной суммой в 850 миллионов долларов в виде субсидий от Управления по обеспечению соблюдения закона в Вашингтоне, полиция по всей стране пополняет свои ряды и экспериментирует с вертолетами, электронно-вычислительными машинами и усовершенствованными методами патрулирования. Но не довольствуясь этими усилиями властей, предприниматели и домовладельцы дали толчок к расцвету новой индустрии средств безопасности, которая поставляет людей для растущей армии частных охранников и широкий ассортимент самых замысловатых сигнальных устройств.

К сожалению, результаты этой борьбы спорны. Официальные блюстители закона ссылаются на недавно зарегистрированное снижение цифр в статистике преступности, чтобы доказать, что они играют бой. Статистика Федерального бюро расследований указывает, что за последние шесть месяцев 1972 года число тяжких преступлений по всей стране выросло всего на 1 процент по сравнению с 7 процентами в 1971 году и рекордными 17 процентами в 1968 году. 72 крупных города дали сведения о снижении числа серьезных преступлений в 1972 году, а директор Управления по обеспечению соблюдения закона Джеррис Леонард хвастается, что США наконец-то «преодолели первый рубеж, отдаляясь от массовой эскалации преступности на улицах». Но цифры никогда не дают полной картины. За общими итоговыми цифрами, которые собрало бюро, скрыт рост уличных преступлений с применением насилия в таких различных меж собой городах, как Нью-Йорк, Бостон, Мемфис и Денвер. Городская статистика не учитывает также ужасающего роста преступности в пригородах (11 процентов в 1971 году, 5 процентов за первые шесть месяцев 1972 года).

Кроме того, мнения критиков сходятся на том, что статистика преступлений чаще отражает политику и руководящие директивы, а не то, что в действительности происходит на улицах. Специальное изучение данных, проведенное в Вашингтоне, например, выявило, что полиция занижает размер ущерба от одной трети всех ограблений благодаря тому, что не включает их в категорию серьезных преступлений. Специальное расследование дел о «мошенничестве» привело к заключению, что потерпевшими было заявлено менее чем о трети всех преступлений — либо по причине недостаточного доверия к полиции, либо во избежание дальнейших осложнений.

Смекалистые горожане придумали массу самых разнообразных оборонительных приемов: они ходят по обочине тротуара, подальше от темных подъездов, носят при себе второй бумажник, в котором лежат доллары пять «для грабителя», держат ключ наготове, еще не дойдя до входной двери. Во многих местах женщины умеют перекрестить карманников тем, что совсем не носят с собой кошельков

или держат их в перевернутом виде так, что содержимое кошелька высыпается при попытке его вытащить.

Многие жертвы нападения жалели впоследствии, что у них не было при себе пистолета, а множество людей действительно приобретает оружие, несмотря на предупреждения властей о том, что для законопослушных граждан оно служит скорее источником опасности, нежели средством защиты.

Отвлекаясь от улицы, убеждаешься в том, что понятие дома как крепости воспринимается на редкость буквально. В Вашингтоне 820-квартирный гигант нового жилого комплекса «Тайбер-Айленд» находится под охраной круглые сутки, подъезды его всегда заперты. Каждый жилец должен иметь пропуск для входа в гараж, другой — для пользования лифтом и отдельные ключи — от подъезда и от квартиры. Жизнь в условиях дома-крепости создаст массу проблем. Недавно один пожарник не смог проникнуть в «Тайбер-Айленд», чтобы погасить возникший в подвальном помещении пожар. «Еще немного, и все заведут себе крепостные рвы с крокодилами», — возмущается житель Атланты, оглядывая лабиринт из дощатых и бетонных стен, обезобразивший некогда живописный район, где он живет.

На западном побережье более просторная планировка и меньшая психическая напряженность, кажется, сдерживают стремительное распространение страха. Люди здесь все еще наслаждаются прогулками по улицам Сан-Франциско. Однако прокурор муниципального суда Санта-Моники был удивлен недавно, когда по заведенному порядку он спросил присяжных, кто из них когда-либо подвергался нападению на улице или краже со взломом. Восемь из двенадцати человек подняли руки. В сан-францисском фешенебельном районе Президио-Хейтс, где взломщики с автофургонами обчистили несколько домов, Келвин Тилден и его жена оборудовали свой дом дополнительными замками, железными воротами и установили наружную телефонную связь. «Наш образ жизни не слишком изменился», — уверяет 38-летний Тилден, однако он выполняет сложную процедуру вербально-визуального установления личности, прежде чем впустить кого-либо в дом.

Люди, принадлежащие к среднему слою населения, частенько забывают, что бедняки — а в особенности черные бедняки — уже давно живут в такой же обстановке страха. Парфения Уотерс не осмеливается после наступления темноты покидать свою квартирку в доме государственной застройки в полицейском округе Уэнтурт в Чикаго, где в прошедшем году каждый 27-й житель был жертвой преступного насилия — убийства, изнасилования, грабежа или вооруженного нападения. «Если вам что-нибудь понадобилось, что вы не можете занять у соседки, вам придется ждать следующего утра», — объясняет миссис Уотерс. Всю ночь напролет она сторожит свою квартиру. «Иногда мне удается поспать часок, но потом я просыпаюсь», — рассказывает она. — И тогда я хожу по квартире до утра, прислушиваясь к звукам. Я так боюсь, что к нам может кто-нибудь влезть. Не знаю, что бы я сделала, если бы это произошло». Утром она не выпускает из дома свою 12-летнюю дочь ровно до 8.50, когда открываются двери соседней школы, и тогда провожает ее, стоя на площадке у подъезда.

Такая же угнетающая атмосфера царит в большинстве гетто. «Я живу в постоянном страхе,— говорит миссис Леннон Харрис, муж которой истратил 1000 долларов на то, чтобы обезопасить свой дом после того, как взломщики ограбили их на 3800 долларов.— Ты работаешь, копишь, чтобы купить себе что-нибудь приличное, а какой-то мерзавец запросто приходит и отбирает это у тебя».

Особенно тревожит многих американцев — черных и белых — рост преступности и насилия в школах. Проблема эта не нова, но за последнее время она поразительно быстро выросла, и школьные власти в больших городах больше, чем когда-либо, тревожатся об элементарной безопасности. Прошлой осенью за шестнадцать дней, по крайней мере, 14 нью-йоркских учителей подверглись ограблению или нападению в стенах своих школ.

По настоянию родителей и учителей нью-йоркский школьный совет выделил 6 миллионов долларов на организацию охраны: в настоящее время 600 человек несут охрану в средних школах, а еще 1200 будут размещены в начальных школах города. Точно так же в Лос-Анджелесе участвовавшие грабежи, поножовщина и бандитские нападения со стрельбой заставили мэра Сэма Йорти использовать часть федеральных фондов, предназначенных для строительства образцовых городов, на организацию патрулей в четырнадцать школах (Лос-Анджелес уже сейчас тратит 3000 долларов на специальную охрану). Хьюстонские школьные власти тоже наняли дополнительное число людей для охраны и намерены ввести пропуск для учащихся, что поможет не допускать посторонних в здания школ. А в Комптоне (штат Калифорния) — городе в основном с негритянским населением, где отмечен самый высокий в Южной Калифорнии уровень преступности,— родители предложили даже использовать детекторы, чтобы помочь школьной охране находить оружие, которое носят многие учащиеся.

Аналогичные проблемы существуют и во многих университетских городках. Некогда тихая площадь Гарвардского университета каждый месяц становится свидетельницей около 30 краж и десятка нападений. Студенты и преподаватели считают опасным слишком долго задерживаться в библиотеках и кабинетах, а университетские власти были вынуждены закрыть доступ во многие жилые помещения студентов, ранее открытые по традиции для посетителей.

В нынешние времена преступность очень дорого обходится и миру американских бизнесменов. Общее количество украденного товара, дорогостоящие сигнальные установки и другие расходы оцениваются приблизительно в 16 миллионов долларов ежегодно. Некоторые улицы в центре города, где окна магазинов забраны решетками, напоминают тюремные дворы, и торговля там часто прекращается сразу после захода солнца. Владельцы магазинов применяют новое приспособление — зуммерный замок для входной двери, который позволяет служащему оглядеть покупателя прежде, чем впустить его внутрь.

Косметическая компания «Эйвон» пригласила консультанта по безопасности для участия в проектировании своего нового двадцатипятиэтажного административного здания на Манхэттене: положение дверей и коридоров, планировка патрульных помещений для личной охраны и создание системы сигнализации, где центральный пульт,

усеянный сигнальными лампочками, выглядит, как сигнальная панель на борту «Аполлона-17». Архитекторы обсуждают идею «защитимого пространства». Предполагается уменьшить размеры широких площадок и нескончаемых коридоров, которые, как уверяют специалисты, превращаются в ничейную территорию, отданную во власть воров и грабителей.

Выработавшееся в последнее время у людей стремление обезопасить себя породило процветающую индустрию средств охраны. Личная охрана и «полиция особого назначения», работающие по коммерческому контракту, уже численно превосходят персонал обычных полицейских в таких городах, как Сан-Франциско и Детройт. Осторожного пешехода привлекает к себе богатый ассортимент оборонительных средств, как разрешенных, так и запрещенных законом: свистков, ручных сирен, тростей с тяжелой рукоятью, авторучек со слезоточивым газом и рассеивателей типа «мейс». Бывший сотрудник ФБР Милтон Аллен продает владельцам магазинов в Атланте пузырьки со своим патентованным средством против грабителей и взломщиков. Спрятанный в механизме кассового аппарата, пузырек легко разбивается во время взлома и краденые деньги быстро пропитываются тошнотворным запахом, который впоследствии легко обнаруживается.

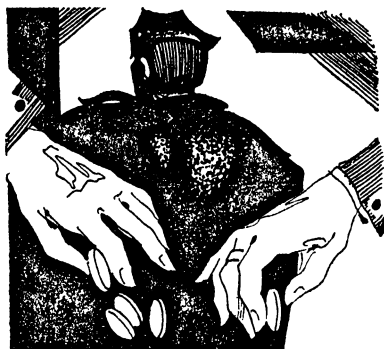
Установки для охраны дома стоят от 300 до нескольких тысяч долларов. «Дела идут в гору»,— сообщил управляющий вашингтонским отделением компании «Роллинс протектив сервисиз», имеющей 16 отделений по всей стране и планирующей открытие еще 50. Типичная усовершенствованная установка состоит из системы миниатюрных радиоприемников, установленных на всех окнах и дверях в доме. При малейшем прикосновении к ним раздаются звуки сирены, включаются прожекторы в саду, и в местное отделение компании поступает сигнал (который передается затем в полицию). «Наша система может даже сварить кофе к приходу полицейских»,— с гордостью сообщает служащий компании «Роллинс». В Атланте, как и везде, фирмы, поставляющие сигнальную аппаратуру и собак (обученная немецкая овчарка стоит 500 долларов), наводняют страницы газет сенсационной рекламой и следят за ежедневными сообщениями о совершенных преступлениях, стараясь вручить свой товар пострадавшим (почти 80 процентов всех сигнальных установок проданы людям, которые были незадолго до того ограблены). Некоторые владельцы домов покупают только таблички с предостережением: «Этот дом находится под электронной охраной», надеясь без лишних затрат отпугнуть взломщиков.

По всей стране в крупных городах регулярный состав полицейских сил стал увеличиваться за счет нового набора, изменений графика дежурств и систематического привлечения гражданских служащих, которые освобождают полицейских от работы в участке.

Корни преступности остаются, разумеется, центральной проблемой, и для ее разрешения потребуется, чтобы вся страна уделила ей больше средств и времени, чем до сих пор это могло делать Управление по обеспечению соблюдения закона.

Пока же «крепость Америка» продолжает дорого платить за свою безопасность. Зарешеченные витрины, поголовные проверки в школах

и жилых домах, полицейские вертолеты, парящие в небе со слепящими глаза прожекторами,— все это вряд ли можно назвать атрибутами открытого общества.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОРРУПЦИИ

*Из журнала
„Юнайтед Стейтс ньюс
энд уорлд рипорт“*

(Выдержки из доклада Комиссии по расследованию коррупции в полицейских органах Нью-Йорка)

Мы установили, что коррупция получила широкое распространение. Она приобрела разнообразные формы в зависимости от направления полицейской деятельности. Наиболее слаженно отработан механизм взяточничества среди сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную работу в связи с нарушениями законов об азартных играх. Эти сотрудники раз в две недели или ежемесячно собирали мзду с игорных предприятий, расположенных на территории подведомственных участков. Каждое предприятие выплачивало до 3500 долларов. Общая сумма поборов делилась поровну между участвующими

в деле полицейскими, ежемесячная доля каждого из них достигала 300—400 долларов в подразделениях, обслуживающих Манхэттен, и 1500 — в подразделениях Гарлема. Если в деле участвовал наблюдающий начальник, то ему причиталось полторы доли рядового сотрудника. Новому сотруднику ничего не причиталось в течение первых двух месяцев работы, пока к нему не присматривались и не определяли, насколько новичку можно доверять. Но недополученный в результате просрочки доход возмещался в случае увольнения в виде двухмесячного выходного пособия.

По такой модели действовали сотрудники пяти оперативно-розыскных подразделений, на которых сосредоточилось проводимое нами расследование. Представленные нам показания позволили сделать вывод, что аналогичные формы коррупции существовали и в других подразделениях, работу которых мы не проверяли тщательно. Подтверждение тому — события, имевшие место до и после нашего расследования. Еще до создания Комиссии разоблачения бывшего сотрудника сыска Фрэнка Серпико послужили поводом для предъявле-

ния обвиненных 19 сотрудникам оперативно-розыскного подразделения, обслуживающего Бронкс, за участие в деле с долей в 800 долларов.

После того как закончились наши публичные слушания, под руководством прокуратуры и отделения внутренних дел полицейского управления было проведено расследование, о котором ничего не знала ни Комиссия, ни привлеченные ею сотрудники; это расследование привело к обвинению 37 бруклинских сыскных агентов, участвовавших в деле с долей в 1200 долларов. Формы их деятельности до мельчайших деталей совпадали с теми, что уже фигурировали в слушаниях комиссии, и по каждому факту было установлено, что в деле замешаны почти все сотрудники оперативно-розыскных подразделений, включая и наблюдающих лейтенантов.

Коррупция среди сотрудников подразделений по борьбе с наркоманией не приняла такие отработанные организационные формы, как в подразделениях по борьбе с нарушениями законов об азартных играх, тем не менее и среди них стало общим правилом получение индивидуальных взяток. Как предпринятое нами расследование, так и параллельная работа Следственной комиссии штата и уголовные дела, возбужденные федеральными и местными властями, помогли восстановить примерную картину общепринятого порядка выплаты нарушителями законов о наркотиках более или менее значительных сумм полицейским-взяточникам. Эти суммы поступали в распоряжение отдельных сотрудников либо делились между компаньонами, а часть из них, возможно, получал и наблюдающий офицер. Размеры взяток колебались в пределах от небольших сумм и до многотысячных выплат. Наиболее крупная из них, как было вскрыто в ходе нашего расследования, составляла 80 тысяч долларов. Информация, полученная от Следственной комиссии штата и в результате работы федеральных органов расследования, дает основания полагать, что это никоим образом не единичный случай взятки в таких крупных размерах.

Мы не установили, что полицейские, осуществляющие уличное патрулирование в служебной форме, собирают деньги в крупных размерах и в таких организованных формах, как сотрудники сыскных подразделений, однако то, что они получают многочисленные, хотя и небольшие, взятки, представляет собой не менее серьезную проблему. Полицейские патрульной службы, особенно те, которые патрулируют в радиофицированных автомобилях, регулярно собирают деньги с владельцев стоек, баров, бакалейных магазинов и других предпринимательских объектов. Эти деньги обычно выплачиваются регулярно участковому патрульному и от случая к случаю — другим полицейским.

Хотя размер индивидуальных взяток полицейским, работающим в служебной форме, невелик и в основном не превышает 20 долларов, они настолько многочисленны, что в целом представляют собой весьма ощутимый дополнительный доход полицейского патрульной службы. Другие менее регулярные взятки патрульным поступают из почных баров, винных клубов, с автостоянок, от водителей грузовых и легковых автомобилей, шоферов такси, проституток и обвиняемых, пытаю-

щихся уладить свое дело в суде. Получила широкое распространение и другого рода практика: полицейский дает взятку своему коллеге с тем, чтобы обеспечить нормальный ход полицейских процедур или добиться выгодного назначения. Сержанты и лейтенанты, если изъявляли желание, принимали участие в поборах так же, как и полицейские, над работой которых они осуществляют надзор. Более того, некоторые сержанты входили в пай, к которому не допускались рядовые патрульные.

...Наиболее часто, когда вышестоящий офицер занимается взяточничеством, он использует патрульного как посредника, который собирает для него деньги, удерживая себе некоторую их часть.

Разумеется, не все полицейские замешаны в коррупции. Если исключить такие незначительные нарушения, как пользование бесплатным столом в соответствующих заведениях своего участка, значительное число сотрудников полиции нельзя обвинить в лихоимстве. И все же, за редким исключением, даже не связанные с коррупцией полицейские вовлечены в нее в том смысле, что ничего не предпринимают с целью предотвратить то, о чем они знают или подозревают. Наш вывод, что коррупция получила в городском управлении полиции широкое распространение, основывается на том факте, что информация, полученная из сотен источников в самом управлении и вне его, последовательно подкреплялась точными данными по районам, в которых мы сумели провести кропотливое и тщательное расследование.

Широкое распространение коррупции, однако, не означает, что она повсеместно единообразна. Полицейских, замешанных во взяточничестве, разбивают на две категории: «хищники» и «травоядные». Как это следует из прозвищ, к «хищникам» относятся те полицейские, которые с особой агрессивностью злоупотребляют своей властью для извлечения личной прибыли, а «травоядные» — те полицейские, которые просто не отказываются от барышей, которые подбрасывают им случайности полицейской работы. «Травоядные» представляют собой сердцевину проблемы коррупции. Существование их многочисленной армии придает коррупции «респектабельность». Они соблюдают и поддерживают кодекс молчания, кодекс, по которому всякий, разоблачающий коррупцию, клеймится как предатель. В то время, когда только началось наше расследование, любому полицейскому, вздумавшему нарушить этот кодекс, пришлось бы действовать на свой страх и риск. Последствия такого положения описаны в нашем предварительном докладе: «Новичок, поступивший на службу в управление, сталкивается с ситуацией, в которой ему легче стать взяточником, нежели оставаться до конца честным».

Проблема коррупции не является ни новой, ни имеющей отношение только к полиции исключительно. Доклады о предшествовавших расследованиях по поводу полицейской коррупции, показания перед Комиссией и мнения информированных лиц из управления и вне его совершенно отчетливо показали, что полицейская коррупция была

острой проблемой в течение многих лет. Расследования проводились примерно раз в двадцать лет с начала века, и тем не менее положение дел, выявленное одним расследованием, оставалось в основном неизменным к моменту объявления результатов следующего. Это отнюдь не означает, что полиция монополизировала коррупцию. Напротив, в каждом районе, где полиция замешана в коррупции, ей сопутствует коррупция в других органах государства.

Полиция играет уникальную роль в нашем обществе. Считается, что полицейский «охраняет закон» и «поддерживает спокойствие». На нем лежат многие обязанности: от контроля за безопасностью движения до контроля беспорядков. Считается, что он защищает наши жизни и нашу собственность. Исходя из этого общество предоставило ему специальные полномочия и прерогативы, которые включают в себя право и обязанность носить оружие наряду с правом лишать нас свободы, подвергая аресту.

Символически его роль еще важнее. Для большинства граждан полицейский — олицетворение закона. Для них закон проводится в жизнь патрульными на улице и капитаном в полицейском участке. Не удивительно поэтому, что общественность проявляет озабоченность и тревогу, когда полицию обвиняют в продажности.

Хотя особая тревога в данном случае оправдывается, общественная озабоченность по поводу коррупции в полиции, противопоставленной коррупции в других государственных органах, неизбежно кажется несправедливой для самих полицейских. Они полагают, что их неправомерно обвиняют в том, что является результатом коррупции других органов системы уголовной юстиции. Это чувство несправедливости усиливает чувство изолированности и враждебности, укреплению которого способствует весь характер полицейской работы. Изолированность и враждебность чувствуют полицейские не только Нью-Йорка, но и всех других мест. В Нью-Йорке это проявляется не только в районах с высоким уровнем преступности, но повсеместно. Никому — ни взломщику, ни любителю воскресных прогулок на автомобиле — не нравится, когда вмешиваются в их занятия. В результате большинство граждан в то или иное время относятся к полиции с разной степенью враждебности. Полицейский это чувствует и, естественно, платит тем же.

Смесь чувства враждебности и подозрительности по отношению к любому постороннему вмешательству в дела управления и гипертрофированного чувства гордости за работу в управлении породило то, в чем комиссия видит наиболее серьезное препятствие для идейного наступления на полицейскую коррупцию: упорное нежелание во всех руководящих инстанциях управления признать существование острой проблемы коррупции.

В результате взаимодействия упрямства, враждебности и гордости появилась на свет так называемая теория «гнилого яблока». В соответствии с этой теорией, ставшей чуть ли не официальной доктриной управления, всякий полицейский, увлеченный в коррупцию, немедленно объявляется «гнилым яблоком» в общей неспорченной массе, и этот единичный случай ни каким образом не должен признаваться симптомом коллективной болезни.

Доктрина «гнилого яблока» питает кодекс молчания и придает ему

респектабельность. Официальная точка зрения о том, что публичное разоблачение коррупции подрывает дух управления и может вызвать негативное представление о нем, подавляет каждого сотрудника, пожелавшего вскрыть факты коррупции, и оправдывает всякого, предпочитающего помалкивать.

Существующее в данный момент положение вещей почти ничем не отличается от положения вещей к моментам окончания предыдущих расследований. Стремление провести реформы налицо, но прошло еще недостаточно времени для того, чтобы изменить представления, с годами укрепившиеся в сознании общественности и полиции.

По окончании очередных расследований стремлению к реформам позволяли угаснуть.

В данный момент стоит вопрос: повторится ли история вновь? Осознает ли наконец общество, что коррупция в полиции является проблемой, которую необходимо разрешить, а не просто болтать о ней раз в двадцать лет?

Из журнала „Ньюсуик“

Американское государство создали в надежде, что оно будет обществом справедливости. Авторы американской конституции, перечисляя главные цели нового государства — «Более Совершенного Союза», — поставили задачу утверждения правосудия даже впереди задачи обеспечения внутреннего спокойствия¹. Но в последнее время стремление обеспечить правосудие и спокойствие не приносит желаемых результатов. Внутреннее спокойствие нарушено ужасающим ростом преступности в городах, а теперь и в пригородах; а судебный механизм слишком перегружен, и результат его деятельности — правосудие лишь в самом черновом виде; и вся система юстиции в действительности слишком неуклюжа, чтобы называть-

ся системой. «То, что мы имеем, — заявляет один бывший правительственный чиновник, — это несистема, в которой полиция не задержи-

¹ Имеется в виду преамбула конституции США.

вает преступников, суды не судят их, а тюрьмы не исправляют». Система, одним словом, больна, а американцы лишь только в малой степени начинают осознавать необходимость срочно избавить правосудие от недуга.

Недуг этот — следствие поразительного невнимания к проблемам юстиции, и прошедшее десятилетие со всей отчетливостью показало, что подобное невниманье — роскошь, которую страна не может себе больше позволить. Давно известна беспомощность судов по гражданским делам — решения по иску о возмещении вреда приходится ждать до пяти лет. Но в настоящее время во главу угла поставлены проблемы уголовной юстиции. События и явления 60-х годов — движение за мир и гражданские права, отказы от призыва на военную службу, наркомания — вызвали аресты тысяч людей и столкнули представителей среднего класса с правосудием в самом неприглядном виде, в том виде, в каком его всегда знали бедняки. Либеральные решения Верховного суда превратили качество правосудия в объект вспыхнувших общественных дебатов. Тюремные бунты показали: что-то идет неправильно; об этом же свидетельствуют и широко распространившиеся незаконные акции полиции. И больше всего об этом свидетельствует статистика преступности. Известно, что данным этой статистики не доверяют — около половины преступлений не регистрируется — и этими данными часто безответственно манипулируют. И все же статистика преступности производит мрачное впечатление. Ежегодное количество зарегистрированных «серьезных преступлений» (таким титулом в отчетах Федерального бюро расследований объединены различные преступления: от похищений автомобилей и до умышленных убийств) достигло пяти миллионов и продолжает расти.

Тревога общественности резко усилилась и главным образом не в связи с несправедливостями, порождаемыми системой юстиции, а в связи с ее неэффективностью. Опрос общественного мнения, проведенный институтом Гэллага², показывает, что значительное и все увеличивающееся большинство американцев сомневаются в том, что юстиция функционирует должным образом... Также широко распространилось мнение, что система не предоставляет неумиющим, а возможно и черным, равных с остальными гражданами возможностей.

Общественность обеспокоена и требует усиления карательной стороны юстиции. Образуется сочетание, которое затрудняет устранение того, что действительно мешает функционированию юстиции. Некоторые робкие начинания уже сделаны... Суды лучше оснащены и тюрьмы несколько более цивилизованы, чем десять лет назад. Но большая часть американской юстиции все еще предстает в виде сцен, напоминающих кошмары средневековья: зловонные тюрьмы, где заключенные месяцами ждут судебного разбирательства; грязные полицейские суды, где пядицы и проститутки партиями в тридцать-сорок человек предстают перед судьей и все «судебное разбирательство» от предъявления обвинения до назначения наказания занимает одну-две минуты.

И даже самые лучшие суды и планы исправления захлебываются

² Известный в США институт по изучению общественного мнения.

в потоке дел. Этот поток задерживает рассмотрение дел в судах и забивает тюрьмы: в одном только Нью-Йорке скопилось несколько десятков тысяч нерассмотренных уголовных дел (никто не знает точную цифру), и обвиняемый, не имеющий возможности представить залог, томится за решеткой более полутора лет в ожидании суда, который продлится всего один день. И в конце концов по 90 процентам дел во многих городах загруженность порождает выхолощенное правосудие, напоминающее распродажу по сниженным ценам: государство продает смягченные наказания в обмен на признания вины с тем, чтобы просто дать возможность системе функционировать. Никто из имеющих отношение к системе юстиции не доволен этим; многие впадают в цинизм (и это неудивительно — дух презумпции виновности³ явственно ощутим в большинстве залов судебных заседаний больших городов) и крайнюю степень отчаяния. «Если бы убрали всех полицейских, судей и ликвидировали суды, — заявляет Джо Олгьяти, руководитель нью-йоркской программы производственного обучения условно осужденных, — это почти совсем не повлияло бы на уличную преступность. В действительности положение могло бы даже улучшиться — не пришлось бы затрачивать усилия на перестройку того, что сейчас мешает системе».

Ни новый подход, ни скромные усовершенствования не могут приостановить подлинный кризис американского правосудия — медленную, безостановочную коррозию системы и доверия к ней нации. Представление американцев о своей стране требует, чтобы уголовное правосудие было справедливым, а переполняющий их страх перед преступностью с большей настойчивостью требует, чтобы это правосудие было эффективным. Вместо этого оно выродилось в разрозненную вереницу процедур, через которые пойманного правонарушителя судорожно проталкивают от ареста в тюрьму, из тюрьмы в суд, из суда к импровизированному наказанию, которое зачастую не соответствует ни личности преступника, ни совершенному им преступлению. Вот основные куски мозаики этих процедур.

Суды в настоящее время в удручающем состоянии — плохо управляемы, жалко укомплектованы и так завалены делами, что вынуждены работать в бешеном темпе, чтобы выстоять. «Оливер Уендел Хоумс⁴ не стал бы терпеть наши уголовные суды, — говорит профессор права нью-йоркского университета Г. Сьюбин, — как можно быть выдающимся юристом, имея дело с такой неразберихой?» Многие из юристов действительно далеко не выдающиеся личности.

Большинство судей, выбранных или назначенных, — порождение политики и не имеют опыта работы в уголовных судах.

Система нередко в наихудшем состоянии там, где ей надлежит быть в наилучшем — в судах по делам несовершеннолетних и в судах по делам о менее тяжких преступлениях, то есть там, где часть подсудимых, совершивших правонарушение впервые, следовало бы отпустить домой. Половина судей по делам несовершеннолетних не имеют дипломов колледжей и должной педагогической подготовки.

³ «Презумпция виновности» предполагает возможность признания лица виновным до вынесения судом приговора, в котором содержится вывод о виновности.

⁴ Известный американский юрист, член Верховного суда США с 1902 по 1932 гг.

Но и суды для взрослых в самом низшем звене являют собой неприглядное зрелище: эти суды заседают в захудалых шумных помещениях, разгребая по триста и более дел в день. «Сколько я себя помню, нижестоящие суды нигде и никогда не функционировали хорошо», — заявляет бывший нью-йоркский судья Б. Ботейн. Сейчас ему 70 лет.

Суды всех звеньев погрязли в проволочках. Разгул преступности (число преступлений за последние десять лет возросло на 148 процентов) забил суды делами. Забили суды делами и «преступления без жертв», такие как пьянство, азартные игры, проституция, хранение марихуаны. Каждое второе дело на повестке дня лос-анджелесского уголовного суда — нарушение законов о наркотиках, каждый четвертый арест в стране связан с пьянством, а «пьяница», — как утверждает окружной атторней⁵ Портленда Д. Коннел, — тормозит работу системы больше, чем совершивший особо тяжкое преступление».

Волокита настраивает всех на торгашеский лад. В судах больших городов буквально в десять раз больше дел, чем то количество, с каким судьи могли справиться, если бы эти дела подверглись полному судебному разбирательству; поэтому, как утверждает детройтский судья Дж. Крокет, «они больше не рассматривают дела, а торгуются по поводу осуждения и наказания». Иногда невиновного или имеющего веские защитительные доказательства гражданина захватывает общий поток, и он делает заявление о признании вины, лишь бы поскорее выбраться из тюрьмы. «А что мне делать, — жалуется общественный защитник из Сан-Франциско, — советовать им сидеть в тюрьме с тем, чтобы через месяц их признали невиновными?» Гораздо чаще лицо, признающее себя виновным, действительно виновно (часто в совершении преступления более тяжкого, чем то, в котором он признался в соответствии с договоренностью), и в результате секундной импровизированной сделки между обвинением и защитой, совершенной «на ходу» и скрепленной рукопожатием, ему назначается сниженное наказание, которое по большому счету не может ни помочь ему самому, ни оградить общество. Все это никому не нравится, но все делают это только для того, чтобы успевать разгрузить горы дел. «Если сегодня суды не разгрузятся, — заявляет Г. Мэтик из центра по изучению проблем уголовной юстиции при чикагском университете, — завтра они захлебнутся. Поэтому правосудие, если оно результат функционирования существующей системы, является чисто случайное».

Тюрьмы — это сироты в американской юстиции — гнетущая несистема, неисправления, в клетки которой общество прячет преступников с глаз долой, и, что еще трагичнее, слишком часто вычеркивает их из памяти. В местных тюрьмах перетасованы осужденные и предположительно невиновные, все они содержатся вместе в катастрофически переполненных общих камерах. Половина заключенных местных тюрем осуждены на короткие сроки; вторая половина — обвиняемые из числа слишком бедных для того, чтобы представить денежный залог до суда. Но такие совершенно очевидные различия

⁵ Государственное должностное лицо, в числе прочих функций выполняющее функцию уголовного обвинения.

редко замечаются за решеткой. Местные тюрьмы часто занимают ветхие и старые здания и, как правило, лишены каких-либо программ исправления или обучения, равно как и надежды на их внедрение. Побои, вымогательство, насилие — обычное явление; самоубийства, а теперь и бунты, тревожно участились.

Назначение более жестких наказаний всегда было искушением для американцев — лишь бы дольше оградить себя от преступников. Но сейчас реформаторы возлагают гораздо больше надежды на исправление осужденных в общине — чаще используя условно-досрочное освобождение под более эффективным наблюдением, например; или ограничивая свободу осужденных только ночью, разрешая им днем работать без надзора.

Наказания в Америке — в числе наиболее жестких среди применяемых на Западе. В исследовании Американской ассоциации юристов, проведенном в 1967 году, признавалось, что применяемые наказания «выходят за рамки того, что можно разумно обосновать». Результаты такой политики вселяют тревогу: 85 процентов всех преступлений совершаются рецидивистами, которых «исправляли» с помощью таких наказаний.

Перевод с английского статей «Распространение коррупции» и «Обвиняется правосудие» ВАСИЛИЯ СМИРНОВА.

Рисунки С. ХАЛИЗОВА

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

ФЕЛЬЕТОН

Формула Ладенця

Один молодой человек так увлекался спортом, что, забросив даже свой инженерный диплом, стал инструктором физкультуры на столичном заводе электро-механизмов. Но мечтал он не столько о лаврах тренера, сколько о лаврах бегуна мирового класса.

Бывает, что мечты опережают даже самого быстрого бегуна. Молодой человек имел пока очень скромные спортивные результаты, но мысленно видел себя уже чуть ли не олимпийским чемпионом.

Видимо, для того чтобы приблизить мечту к действительности, на одной из тренировок он потихоньку припрятал чужой свитер с олимпийской эмблемой.

Бежит первый круг и думает: «Присвоил чужую собственность. Это же кража! Надо отдать. Нехорошо». Бежит второй круг и думает: «Вот надену свитер и скажу всем, что по результатам зачислен в олимпийскую команду. Слава. Почет. Уважение. Хорошо!» Бежит третий — надо вернуть. Бежит четвертый — как бы не так...

В общем, добегался наш «олимпиец» до суда. Что поделаешь! Хищение, мелкое оно или крупное, не перестает быть хищением.

Я не называю фамилии, поскольку любитель спорта уже и так понес наказание, глубоко раскаялся и понял, что уважение и почет приходят совершенно иными путями. Честными.

К великому сожалению, не все и далеко не всегда понимают это даже с опозданием.

Допустим, грузчики Загорского комбината стройматериалов Бакатин и Занкин твердо полагают, что при наличии большого количества кирпичей на их родном предприятии один или пять или десять кирпичиков не составляют внушительной материальной ценности. Так вот поштучно и тянули...

Между прочим, это весьма распространенная «защитная» формула определенной категории расхитителей. Мол, государство у нас вон какое, добра у него целые горы! И если от какой-либо горы отколупнуть, отщипнуть, отодрать, урвать кусочек, то ее, то есть горы, не убудет.

Вроде бы неловко объяснять простые истины взрослым людям. А приходится. И не только фельетонисту, но и человеку более серьезному — например народному судье. Вышеупомянутые рабочие Загорского комбината после того, как они попытались вывезти уже не десяток, а тысячу кирпичей, предстали перед судом. Все эти кирпичики и легли в фундамент приговора.

Но отойдем от грубых кирпичей и обратимся к более тонкой материи. В самом прямом смысле этого слова.

Однажды у одного из московских вокзалов подобрали пьяного гражданина. Но это, так сказать, присказка, а сказка началась с того момента, когда в вырезывателе стали его разоблачать и ужаснулись. Был сей гражданин забинтован, можно сказать, сверху донизу.

Раши? Искалечен? Да ничего подобного! Запленут он был в материю, которую таким оригинальным способом систематически выносил с хлопчатобумажного комбината.

Не знаю уж, во что он был завернут — мадеполам, вискозу или «березку». Знаю, однако, что выдумка не нова, а гражданин в этом смысле не одинок. Когда на Глуховском хлопчатобумажном комбинате задержали за мелкие хищения тканей некоторых граждан, то

ЗОЛОТАРЕВ ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ: Не успел я начать писать фельетоны, а эта беда случилась со мной двадцать пять лет назад, как узнал два сугубо профессиональных правила.

Фельетон должен быть смешным.

Фельетонист должен быть мрачным.

И где бы мне ни приходилось работать — в «Московском комсомольце», «Московской правде» или в «Труде», в котором я сейчас заведу отделом фельетонов, — всюду мои коллеги старались соблюдать если не первое, то хотя бы второе правило. Насколько мне это удалось, пусть судит читатель: автор, как говорится, налицо.

многие из них весили до задержания гораздо больше, чем после него.

И опять у них в ход шло все то же досужее рассуждение: «Ну, подумайте, урвал вот такусенький кусочек вот от такого рулона!»

Заметьте при этом, что работник хлопчатобумажного комбината не пытается умыкнуть кирпичи, а строитель — материю. Нет, зачем же? Берут то, что рядом, под боком, так сказать, у себя дома, по принципу: что произвожу, то и увожу!

В этом смысле трактористу Матышкину было труднее — ну, что он может украсть? Трактор? А что с ним делать? Не «Волга» все-таки, не «Жигули» новой модели. Скорость не та, комфорт не тот... Матышкин все же нашел чем поживиться: утащил целую тележку удобрений, повез ее на тракторе к теще.

Может, он с тещей повздорил и теперь вот хотел как-то «удобрить» отношения. А возможно, он ее нежно любил, и ему было приятно сделать такой неожиданный презент.

— О чем разговор? — удивился тракторист. — Я же по-родственному, из лучших побуждений, для поднятия урожайности редиски на приусадебном участке. Да и вообще, все берут, а я что, хуже других?

Вот вам вторая весьма распространенная формула.

Подобные оправдания годятся лишь для усыпления совести тех, кому ничего не стоит ее усыпить — она и так дремлет.

Известен случай, когда на одной из парфюмерных фабрик в течение двух лет воровал мыло, пищевые жиры и даже мыльный порошок для бритья некий Подушкин, пока ему не сказали: «Пожалуйста бриться!»

Казалось бы, какая связь между парфюмерией и машинистом маневрового тепловоза Подушкиным? Выясняется, что хищения происходили во время подачи вагонов на подъездные пути фабрики.

Этот человек не нуждался — он хорошо зарабатывал, да и к чему ему пищевые жиры, мыльный порошок? Как выяснилось, он и брился-то электробритвой.

Но, помилуйте, как же не взять то, что плохо лежит? Пусть потом он продаст это за гроши, все-таки выгода. Своего рода премия, прогрессивка к зарплате!

И вот тащит, пропахнув весь мыльным порошком, не заботясь о том, что никаким мылом потом не отмоешь ни руки, ни душу!

Немалую роль здесь играет и то, что все это добро очень плохо лежит. Прямо во дворе. Под открытым небом, без намека на склады и надежную охрану.

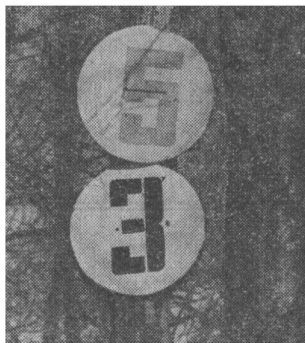
Ох, уж эта охрана! Близорукость ее порой такова, что любая оптика бессильна. Возвращаясь к подмосковному комбинату стройматериалов, с грустью приходится констатировать, что можно было, вероятно, растащить по кирпичику весь комбинат с грубой впридачу, и охрана ничего бы не заметила, хотя в данном случае оптика и пригодилась бы. Ведь КПП расположен на таком расстоянии от выезда с территории склада, что впору воспользоваться подозрительной трубой или средневековым звуковым сигналом: «Слуша-ай!»

Так вот, пользуясь этим сигналом, хочется воскликнуть:

— Слуша-ай, расхититель! Не бери того, что плохо лежит, даже если ты умеешь хорошо бегать! Вспомни хотя бы историю с незадачливым «олимпийцем»...

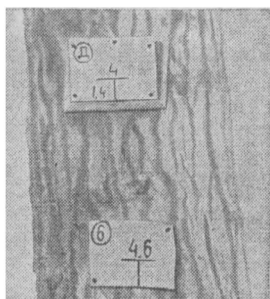
Вместо эпиграфа к сегодняшнему Кофе мы помещаем фотоснимки нашего читателя из Ленинграда И. П. Крюкова. Ими и навеяны размышления поэта Б. Рахманина.

БОРИС РАХМАНИН

ЖИВАЯ
СВЯЗЬ

Мне лес привиделся чудной,
заброшенный, какой-то лишний.
Пчелы не видно ни одной,
и пенья птичьего не слышно.
Дубок там искорежен весь,
листва до срока пожелтела...
Табличку «Берегите лес!»
прибили на живое тело.
Не лес, не поле и не сад...
Не фрукты, овощи да злаки —
электролампы там висят,
дорожные цветут там знаки.
«Направо» — к тополию гвоздем
прибил табличку кто-то браво...
Ну, что ж, давайте-ка пойдём,
как предлагают нам, направо.

Пошли
 А там, как в жутком сне —
 какая странная привычка! —
 гвоздем,
 на этот раз к сосне...
 «Налево» — врезана табличка.
 Но если так вот, без стыда,

губить леса, сады, дубравы,
 то не останется следа
 от них ни следа и ни справа!
 Представьте —

в мире ни листка,
 ни пчел, ни бабочек,
 ни дятлов...

Одни таблички:

«Лес»

«Река»,

как в древнегреческом театре...

Для деревень и для столиц

И лес, и поле — все дороже...

Ведь без цветов и пенья птиц

не обойдемся мы,

не сможем.

Не зря ведь в глубине веков

в уме и опыте народа

переплетались корни слов:

рожденье,

Родина,

природа!

Ш У Т К И В С Т О Р О Н У

Недостача товаров в магазине компенсировалась излишками в
 доме продавца.

У взяточника все дни — приемные.

КИЕВ

О. СЕИН

Знакомая песня — вся из мотивов преступлений.

Молчание — золото низкой пробы.

Не бери от жизни все. Будь разборчив!

ОДЕССА

Гр. ЯБЛОНСКИЙ

Ему дай волю... Все остальное он возьмет сам.

КИЕВ

Л. НЕФЕДЬЕВ

МИХАИЛ АНДРАША

СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Мы учились в одном классе.

Костя Масленкин уже начиная с восьмого знал пресловутое «кто есть кто» — у кого из наших учениц какая квартира, какой пост занимает папа и что подельывает мама. Масленкин, например, знал, что у окна, на задней парте сидит «голубоглазая дачка на каменном фундаменте», то есть Лена Пирожкова, что у Пирожковых есть новенькая «Волга» с противотуманными подфарниками.

После окончания школы я уехал учиться. Потом получил назначение на северное строительство и вернулся в родной город спустя несколько лет.

Одлажды во дворе я увидел знакомое лицо: Костя Масленкин! Я не встречал его с юношеских лет. С той поры, казалось, минула целая вечность.

— Это ты? — спросил я, пробуя его на ощупь.

— Я, — как-то очень грустно ответил он.

— Тот самый?

Он кивнул.

И хотя прошла целая жизнь после выпускного вечера, все же я в этих начинающих виснуть щеках заядлого курильщика признал нежную кожу с двумя солнышками румянца во все лицо, в поблекшем цвете синих глаз — бескрайнюю даль нашего неба над головой, которого особенно много в детстве.

После нескольких междометий Костя Масленкин поведал мне поразительную историю своей жизни. Я спросил его, спрятав улыбку, женился ли он в конце концов на той «Волге» с подфарниками, за которой бегал в десятом классе.

— Нет, — ответил Масленкин печально. — Мы расстались на пер-

вом курсе. А я так любил ее, я не мог представить, что ее будет любить кто-то другой. Я даже хотел покончить с собой. Но, знаешь, время лечит. Мои родственники ввели меня в один солидный дом. Точнее, познакомили меня с дочерью его хозяина. Эта девушка и стала моей невестой. У отца ее в это время были какие-то личные счета с одной государственной организацией... Короче говоря, нам пришлось ждать пять лет, пока мой будущий тесть освободится, чтобы переговорить со мной.

Наконец настал долгожданный день. Моя невеста, уложив спать наших двоих детей, тихо сказала мне: «Приехал папа. Он хочет познакомиться с тобой». Я пошел к своему будущему тестю. Будущему — потому что мы не могли пока оформить свой брак. Должен тебе сказать, что дом моего будущего тестя хорошо сохранился. Мебель и все, что наполняло его до самых краев, как чашу, оказалось нетронутым. В свои пятьдесят семь лет мой будущий тесть выглядел здоровяком. Он говорил, что пять лет, проведенные в сосновом лесу, вдали от городской копоти, пошли ему на пользу. Я так устал от всей этой неопределенности и так давно мечтал поговорить с ним, что сразу же выложил ему свое дело...

— Мы ждем третьего ребенка,— сказал я.— И я хочу жениться на вашей дочери.

Нет, нет, он, конечно, не отказал мне! Он сказал, что прежде, чем сделать этот шаг, я должен освоиться с обстановкой.

— Вот,— сказал он,— вот этот мягкий стул, на котором вы сидите, принадлежит моему другу детства. Остальные одиннадцать стульев и два кресла записаны на него же. Так они проходят по всем судебным документам.

Меня, конечно, заботило совсем-совсем другое, но мой будущий тесть продолжал настаивать на своем.

— Если вы намереваетесь войти в наш дом,— сказал он,— вы должны знать все. Сервант, шкаф, пианино и кровать записаны на мою сестру. Ковры и хрусталь — на старушку мать. Стиральная машина, холодильник и столовое серебро числятся тоже за ней. Первый этаж дома является собственностью моего друга детства, а второй этаж и мансарда записаны на сестру и мать. Все это исключительно честные и порядочные люди, и они никогда не позарятся на чужое. Если бы не они, мы с вами разговаривали бы сейчас не в этом доме, а на парковой скамейке.

— Что же здесь принадлежит вам? — спросил я.

— О! Пустяк... Угловая комната на втором этаже, садовая лестница и... дочь.

— А какого вы мнения о своем троюродном брате Жорже? — спросил я.

— Почему это вас тревожит? — сощурился мой будущий тесть.

— Да потому, что моя невеста формально является его женой, и мне надоело записывать на вашего братца своих детей!

— Ерунда! — воскликнул мой будущий тесть.— Ерунда! Мы вынуждены были пойти на этот брак, чтобы сохранить Жоржу его автомобиль. Если бы не эта формальность, у Жоржа его бы конфисковали. Как только Жорж закончит свою тяжбу, он разведется с вашей невестой, и вы сможете записать на себя мою дочь и своих детей.

— Опять в твою жизнь вмешалась машина,— сказал я Косте Масленкину.

— Да, но ты я боготворил, а про эту я и знать не знал,— продолжал он свой рассказ.— И вот они говорят, что мне придется пойти в свидетели к престарелому Жоржу и сказать в суде, что я подарил этот автомобиль его жене, то есть своей невесте. Понимаешь! — вскричал Масленкин.— Я подарил автомобиль своей жене, будучи ее любовником! И тут я понял, что при всех своих недостатках я слишком хорош для этой семьи. Я был слишком добр, я слишком долго терпел! Я им честно сказал, что если меня вызовут в суд...

В конце концов машину конфисковали в счет погашения каких-то растрат их брата Жоржа. Вполне логично, что эти люди не захотели меня больше видеть. Троюродный дядя развелся со своей племянницей — моей невестой, у нас родился отличный парень, который, слава богу, теперь носит фамилию Масленкиных. Но, кажется, остаток жизни мне придется доказывать, что первые два ребенка — тоже мои.

— Зачем же доказывать? Это и так ясно!

— Ах, все не так просто,— сказал чуть не плача мой школьный товарищ.— Ты даже не можешь представить себе эту семейную обстановку! Бывший владелец автомобиля, бывший формальный муж моей невесты решил отомстить: он заявил, что мои дети будут носить его фамилию.

И Масленкин зарыдал у меня на груди. Я его не утешал.

С телеТЯПной ленты

Водителя никто не избивал, так как не было времени.

Реакция шофера отличается от реакции продавца. Реакция продавца направлена на то, чтобы продать, а у шофера на то, чтобы фиксировать дорожные ситуации.

ЛЪВФЭ

(из выступления на процессе)
передал **Я. КАМИНСКИЙ**, судебно-автомобильно-технический эксперт

У нас получается, как в демьяновой ухе: кот ест да ест, а повар смотрит да смотрит...

Ты кому веришь: мне или своим глазам?

передал **Г. ЛОМОНОСОВ**

А чтобы наш сын не выдал их, они решили заткнуть ему рот золотыми часами.

(из показаний на суде)

Потом я вышла замуж и уехала из Батайска в Грозный. Замуж получился неудачный.

(из письма в редакцию)
передал **Л. ЗАВАРИН**

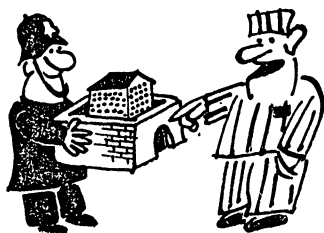
ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗГИКА

НАПРОКАТ

Только из газет узнали некоторые родители в Париже, что их детей, находившихся в яслях, ежедневно «брал напрокат» один жулик. Он использовал малышей как приманку для собирания «пожертвований». Разоблачила его на улице женщина, которая не могла поверить, что двадцатитрехлетний парень — уже «многодетный вдовец».

ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА

Тобиаш Венклер отбывает пятилетний срок заключения в тюрьме Ворвуд Сирабс (Англия). Он осужден за финансовые махинации. До этого Венклер занимался спекулятивными сделками по строениям. Учитывая, что тюрьма, в которой содержится Венклер, занимает земельный участок в восемь гектаров в западной части Лондона, весьма перспективной для строительства, преступник предложил... продать ему тюрьму.

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

Браконьеров на мушкету!

ОБЛОЖИЛИ

